

Царство прелюбодеев

Автор:

[Лана Ланитова](#)

Царство Прелюбодеев

Лана Ланитова

«Царство прелюбодеев» – это продолжение эротического бестселлера Ланы Ланитовой – «Глаша». Новый роман автора можно назвать эротико-инфернальным. Книга представляет собой смешение нескольких жанров: откровенного эроса и приключений в духе «плутовских» романов, мистики и эротического фэнтези. Владимир Махнев – главный герой романа, сердцеед и развратник, волею судьбы попадает в "Ведомство демона прелюбодеяния". Он и не ожидал, что новая жизнь в потустороннем мире, мире призраков окажется столь необычной, полной сюрпризов и новых эротических приключений. Секс с дьяволицами, дриадами, русалками, рукотворными нежитями, выпаренными в лаборатории специально для плотских утех – это далеко не полный перечень его похотливых деяний в "Царстве прелюбодеев". Демон, по имени Виктор, толкает нашего героя на все новые грехи и одновременно проводит с ним "воспитательную" работу. Чем закончатся приключения Владимира? Выдержит ли он все искушения и испытания? Сделает ли демон его своей «правой рукой» в соблазнении неопытных душ – пока остается загадкой. Книга изобилует откровенными эротическими сценами и содержит ненормативную лексику. Категорически не рекомендуется юным читателям в возрасте до 18 лет.

Лана Ланитова

Царство прелюбодеев

Предисловие

Дорогие мои читатели, герои этой книги, их приключения и злоключения, радости и страдания, любовь и греховные деяния, а равно и фривольные, а порой и необузданные полеты авторских фантазий имеют свою предысторию. Она изложена в романе «Глаша».

Если вы еще не читали этого романа, то позвольте мне, как автору, внести небольшую ясность в ваши светлые головы и поведать его краткое содержание.

Жил-был молодой человек. Звали его Махнев Владимир Иванович. Он был умен, хорош собой, великолепно образован, имел изысканные манеры и славился обольстительными речами. Он даже умел сочинять недурственные стихи. К тому же он был достаточно богат и знатен. Все перечисленные качества не могли оставить равнодушным ни одно женское сердце. Скажем прямо: женщины буквально сходили с ума от нашего героя. И было, отчего... Кроме перечисленных достоинств, Владимир Иванович имел еще одно немаловажное – он был великолепным любовником. Многие дамы сочтут сие достоинство едва ли не самым значимым для мужчины.

Надобно сказать, что родился наш герой в России, в первой половине 19 века, в Н-ском уезде Нижегородской губернии. Проживал он вместе со своей матушкой в довольно богатом поместье и являлся распорядителем более двух тысяч душ крепостных крестьян.

Богатое поместье с виду казалось обычным, но на деле:

«...С постороннего взгляду Махнево было богатым и знатным поместьем. Все, как положено: господа важные, благородные, сами собой – гладкие. Чаи на террасе попивают, разговоры ученые ведут. И все-то у них красиво и аккуратно: дома крепкие, сады и цветники ухожены, скотина откормлена, лошади крупастые. Да и мало ли еще каких приятностей и безделиц для услады глаз хозяйских имеется. Всего не перечислишь...

Только слава дурная за именем водилась, и не то, чтобы слава, а так – слухи ползли, один нелепее другого. А слухи эти душком серным пахивали. Но кто у нас слухи-то пускает? Ясное дело: бабы глупые, а им набрехать – раз плюнуть. Они любого ославят, сплетен до небес насочиняют. Говорили, что барин Владимир Иванович во Христа праведного не верит, в церкву не ходит, а ведет

себя, как отродье бесовское... Говорили, что он – то ли сектант, то ли молокан, то ли отступник. Потому, как без чести и совести завел у себя гарем, словно султан иноземный. Говорили, что много девок и баб со свету спровадил, иные брюхатые от него ходят, во чревах отродья бесовские носят... Говорили, что бесы наградили его удом огромным – почти до колен, и что удище энтот окаянный покоя барину ни днем, ни ночью не дает: во все тяжкие с головой уводит...»

Молодой помещик Махнев Владимир Иванович, искушенный эстет, получил великолепное столичное образование и имел «вольные» взгляды на многие философские и жизненные вопросы:

«...Вы слишком зашорены общественной моралью. Она не дает нам воли для фантазии и смелости поступкам. Отбросьте все приличия, что навязало общество. Постарайтесь получить удовольствие от природы и тела своего, как это делали эпикурейцы. Наслаждайтесь, а не страдайте. Человеческий век так короток... И мы исчезнем очень скоро, о нас забудут быстро другие поколения живых. Было бы глупо не вкусить плодов на щедром столе познания наслаждений. В моих философских взглядах полно эклектики. Одно скажу: мне ближе те, что учат человека не страданию, а счастью... Надеюсь, вы помните знаменитую строчку у вашего любимого Байрона: «Мудрецам внимают все, но голос наслажденья всегда сильнее разумного сужденья!»

Позвольте и вы себе побыть счастливой и вкусить сладость запретных плодов. Поверьте, эти яблочки намного вкуснее нашей антоновки...»

В сетях искушенного сластолюбца оказалась нежная и неопытная Глафира Сергеевна – сирота и дальняя родственница Махневых. По мере того, как крепла любовь Глаши к своему соблазнителю, ей все более очевидным становилось то обстоятельство, что ее возлюбленный одержим неведомой, почти дьявольской силой.

Так ли это, или нет – мы узнаем, лишь окунувшись во все приключения нашего героя. Но, что касается Глаши и других действующих лиц этой странной, во всех смыслах истории, то все они были твердо уверены в том, что только дьявол мог толкать дворянина Махнева на похотливые деяния и бесчестные поступки.

Владимир Махнев не только любил заниматься развратом в своей «знаменитой бане», но и был пристрастен к опию и гашишу. Среди части европейской аристократии той эпохи была очень популярна так называемая «опиумная культура», пришедшая из стран Востока.

Владимиру были симпатичны восточные традиции. Он часто цитировал Байроновского «Дон Жуана», который побывал в Османском гареме. Он и сам мечтал о «восточной деспотии» и завел своеобразный гарем из русских Лушек и Марусь.

Порочные мечты и вседозволенность привели главного героя к пресыщению женским полом. Он выписал себе из Турции «живую игрушку» – несчастного кастрата, по имени Шафак. Но и греховная любовь к юноше быстро закончилась – у Владимира нет долгих пристрастий. Волей судьбы Шафак и стал его «главным проклятием». Юноша из ревности убил своего господина...

«...Последнее, что увидел пред собой Владимир Махнев – было лицо любовника Шафака, искаженное страшным гневом. Обезумевший от одиночества, тоски и ревности, маленький несчастный юноша, словно хищный зверек, выдавив окно парной, пробрался внутрь барского Вертепа. Смуглые пальца иноземца крепко сжимали булатный кинжал. Владимир безмятежно спал, развалившись меж двух пышнотелых красоток. Турок, ослепленный мстью, подошел к нему и одним махом перерезал горло.

* * *

Прошло около получаса... От бревенчатой, плохоосвещенной стены, на которой роились странные ночные призраки, отделилась высокая фигура... Это был господин в темном, длинном плаще, черный цилиндр бросал тень на невидимое лицо. В комнате запахло сыростью и летучими мышами. Гулко прозвучали его шаги... Невероятным было то, что никто из обитателей барского Вертепа не слышал и не видел этого странного господина. Все спали, и сон их на тот момент внезапно стал мертвецки глубоким. Один из присутствующих прелюбодеев, истекая алой кровью, струящейся из глубокой раны на белую простынь, уснул уже навсегда...

Темный господин осмотрелся и медленно подошел к Владимиру.

– Ну что, мой сельский Казанова с душой поэта и с привычками султана... Я думаю: увидимся мы снова – дитя порока и слуга кальяна. Мой дерзкий лицедей и чуткий кукловод, софист и циник... Bravo! Славно! Ты славно потрудился на меня. И ждет тебя роскошная награда...

Он присел на край постели, рука, облаченная в темную перчатку, погладила русые кудри и бледный лоб Вольдемара, закрыла серые стеклянные глаза.

– Ты отдохни немного, минет век один – я разбужу тебя и снова вдохновлю на подвиги лихие Дон Жуана. Немало слабых душ ты погубил – доволен я тобою, Вольдемар! Поспи, сынок. Не смог я уберечь тебя. На время выйди из игры... Но помни: скоро я вернусь. Нас ждут с тобой великие дела!

Темный господин запахнул полу длинного плаща, его высокая фигура затрепетала в полумраке комнаты, воздух содрогнулся огненным вихрем – раздался громовой хохот, и господин пропал – будто его и не было. Свечи потухли, вокруг воцарилась зловещая тишина. Банная горница наполнилась едким запахом серы...»

Нередко романы заканчиваются смертью главного героя. Особенно если герой отрицательный. Часто сие печалит читателя, ибо, не смотря ни на какие проступки, герой становится близким, симпатичным и даже вызывает сочувствие. Реже успокаивает, ибо негодяй, грешник и злодей наконец-то получает по заслугам.

В нашей истории все иначе: смерть героя – это не конец, это – начало новых, неожиданных приключений. И кто знает, куда они приведут...

Глава 1

«Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

Иоганн Гёте «Фауст».

«Господи, какая сильная боль, я не могу глотать, а кровь... откуда столько крови?» – пальцы нащупали липкую, скользкую лужицу. – Мама, помоги мне!» – прокричал Владимир Махнев, но странное дело – он не услышал собственного голоса, – «Шафак, ты сошел с ума, негодный мальчишка! Как ты посмел? Зачем ты порезал мне горло? Ты мог меня убить! Чем остановить кровь? Надо взять полотенце. Почему все спят? Игнат, друже, проснись! Смотри, что сделали со мной!»

Он кричал, взывал к помощи – ответом была полная тишина. Все спали так крепко, будто впали в безумную летаргию, или их «обвели мертвой рукой». Ватные ноги понесли к другу, слабеющая бледная ладонь стала трясти плечо спящего.

– Игнатушка, проснись. Мне очень больно. Надо перевязать рану, – Игнат не пошевелился. – Ну что ты, перекурил опиума? Проснись же, я тебе говорю! Ты слышишь, мне очень больно! Это – сумасшедший Шафак! Его надо поймать. Иначе он наделает много глупостей. Горячий мальчишка!

Он искал чистое полотенце или простынь – надо было скорее перевязать рану. И тут взгляд упал на то место, откуда он так быстро соскочил. «О, боже! А кто это лежит на моей кровати рядом со спящими бабами? Он похож на меня. И у него тоже на горле кровь. Я ничего не понимаю. Кто это? Я тут, а он – похожий на меня – лежит там». Липкий страх, предчувствие и осознание беды, жалости к себе вмиг охватили душу. Он дрогнул всем телом, зубы застучали так громко, что казалось, в голове раздалась барабанная дробь. И к этому грохоту присоединялась неослабевающая боль. Он не помнил, когда плакал последний раз, похоже, это было в далеком детстве: он сильно шалил, и его наказали. Ему тогда было пять лет – этот эпизод хорошо врезался в память. Его посадили в темный чулан, оставив без сладкого. Тогда маленький Володя плакал – это были слезы от обиды и жалости к себе. Он возненавидел гувернера, поступившего так, по его мнению, жестоко. Ненависть через месяц принесла свои плоды – гувернера уволили по настоятельной и отчаянной просьбе маленького барчука. Володя не прощал обид. Именно тогда, в чулане он плакал крупными горячими слезами, осознавая чудовищную несправедливость «взрослого мира», которому он, по малолетству, не мог дать должного отпора.

Вот и сейчас появилось такое же странное чувство беспомощности и по-детски острой обиды. Слезы потоком лились из глаз. Ноги ослабли, и он бухнулся на деревянный пол. Его все время тянуло посмотреть на кровать. «Кто на ней

лежит, если я тут? Как плохо. Хоть бы эти олухи проснулись. Дорвались до моего зелья. Хватит, не буду их больше угощать. А Игнат-то хорош! Спит как убитый».

Будто в ответ на его болезненные, полные глухого отчаяния мысли, верный друг приподнял голову, мутный взор заплывших глаз уставился на бледного человека, лежащего на кровати. Хриплый крик вырвался из груди заспанного приказчика, он резко подскочил. Тут же, разбуженные шумом, проснулись и голые девицы. Их оглушительный визг походил на пороссячий, резкие движения голых тел выглядели столь омерзительно, что Владимир отвернулся, с трудом подавляя отвращение. «Чего они все смотрят на того мужчину на кровати? И хоть бы один из них посмотрел в мою сторону!»

– Может, хватит? Вы что, все разом оглохли и ослепли? Или оглупели от сна? Я же тут. Игнат, помоги мне! – но его крика снова никто не услышал.

Не обращая внимания на растерянные движения испуганного Игната и лихорадочное одевание проституток, на мельтешение голых рук и ног, на распущенные, нечесанные патлы их вмиг подурневших голов, на волосатые, без сапог ноги своего друга, он подошел к кровати. Все участники оргии пялились на то место, где лежал этот странный человек с кровавой раной на горле. Владимир пристально посмотрел на него. Чем сильнее он вглядывался в его черты, тем становилось очевидней – там лежит его двойник! О, боже! Неужели, это – Я?!

И в этот момент до слуха долетели сначала негромкие, а потом все более отчетливые звуки. Словно тысячи медных и серебряных труб взорвали пространство. Эти звуки не собирали стройной, гармоничной мелодии – однообразный серебряный гул становился все сильнее и гуще. Но величие, мощь, значимость этих звуков говорили о том, что ранее он не слышал ничего подобного. Они приводили в состояние экстатического ступора и проникали в душу, неся с собой покой, умиротворение, осознание безграничного счастья. Он снова почувствовал, что плачет. Но это были слезы неописуемого восторга.

Одновременно со звуками стал светлеть и таять потолок темной деревянной крыши. Свет шел откуда-то сверху, будто с неба. Он манил, становясь все ярче и мощнее. Он выглядел словно огромный голубоватый столб. В нем медленно плавали пылинки, пространство внутри столба искрилось, текло и существовало по своим, никому неведомым законам. Голубой поток мерцал так ярко, что вся комната до самых последних углов осветилась лучше, чем в солнечный летний

день.

Владимир вздрогнул, тело завибрировало словно струна, и его неумолимо потянуло навстречу этому яркому, манящему свету. Он почувствовал: ноги оторвались от деревянного пола. Как здорово, он взлетел! Неужели, теперь он умеет летать?

«Я ощущаю себя легким, словно пушинка», – подумал он и рассмеялся от удовольствия.

Где-то на самом верхнем горизонте голубого марева проступили едва различимые, воздушные, словно облака, удивительно прекрасные образы. То были женские или детские лики. Они улыбались ему так, как не улыбался никто: мило, кротко, с радостью. Так улыбаются самые близкие и любимые существа. Владимир пригляделся – головки поддерживались пухлыми, молочно-белыми телами. Мягкие крылышки, покрытые кудрявыми перьями, прятались за круглыми спинками, дальше шли нежные полусферы голых ягодичек и короткие ножки с растопыренными пальчиками и розовыми пятками. Они не только приветливо улыбались, их толстые, с перетяжками, как у младенцев ручки, манили к себе. Крылышки трепетали чаще, чем крылья птиц, их звук напоминал мягкие хлопочки – казалось, они были рады Владимиру, а оттого так суетились. «Это – ангелы! Как хорошо! Господи, я иду к тебе!» – прокричал Владимир, увлекаемый мощным потоком лучезарного эфира. Ему никто ничего не объяснял, но он интуитивно понял: «Мне надо лететь туда, домой. Туда, куда стремятся все души».

– Куда ты, дурашка! Куды собрался, родимый? Эх, вовремя я успел! Опять эти сопли, пух и световые фейерверки! Хоть бы немного разнообразия. Господа, вы устарели. Ну, невозможно же – из раза в раз – одно и то же. У меня сейчас начнется чих и слезотечение. – Чья-то сильная и грубая ладонь схватила Владимира за рукав, встряхнула и поставила на грешную землю. Сразу же вернулись боль, тяжесть и страх. Страх снова заставил зубы стучать. – Кыш-кыш отседа! Не по адресу, господа! Опять ошибочка вышла... Господин Махнев приписан к моему ведомству, причем без всяческих сомнений и предварительных расследований.

Раздался громкий и бесцеремонный хохот. Незнакомец дунул в сторону голубого столба и снова дернул Владимира за рукав.

– Нет, сокол мой, нам с тобой не туда! Нам совсем в другую сторону.

– Куда? – голос дрожал от страха.

– Куда? В Геенну Огненную... А что такое? Ты чем-то не доволен? – незнакомец хмыкнул.

В тот же миг голубой столб стал трепетать, бледнеть и укорачиваться. Углы комнаты вновь заволокло сумраком. Раздался короткий, словно обрезанный трубный звук, чирикнули возбужденные ангелы. В их беглых прощальных взглядах прочиталась такая печаль, что Владимир в очередной раз содрогнулся от непостижимого, безвозвратного горя, предчувствия неминуемой катастрофы. Раздался мягкий хлопок, и столб исчез – будто его и не было.

– Пойдем! – властно изрек незнакомец, – нам лучше уйти до рассвета – легче будет путь.

– Я не хочу, я не пойду с вами! – голос Владимира прозвучал слабо, просительно, почти трагически. – Отпустите, умоляю!

– Отпустить тебя? Ты в своем уме? Хозяин приказал доставить тебя к месту назначения, причем без проволочек.

– Отпустите, а!

– Да не дрожи. Смотреть противно... Где твоя гордость? Лоск, бравада, Вольдемар? Куда исчезло все? Неужто это ты – губитель женщин, любитель рифм, софист, философ, лицедей? Стыдись, от страха ты покрылся потом и дурно пахнешь... Где же твой парфюм? Ну ладно, я тебе потом его пришлю. Что братец, страшно? Ну, а как ты думал? – незнакомец рассмеялся. – Уж сколько раз бывал я порученцем, гонцом, конвойным, стражем, наконец: и всякий раз бываю я довольным. Чего греха таить? Мне сладок этот крест! Замечу, из пристрастия к тебе, к твоей натуре тонкой я буду иногда, когда нахлынет рифма, увлекать тебя стишками. Ты не против? – прозвучал нарочито дурашливый вопрос. – Хотя по части стихоплетства, я признаюсь, ты пальму первенства на финише возьмешь... Но, от судьбы своей, дружочек, теперь-то ты уж точно не уйдешь.

Владимир опустился на стул и покосился на мужчину. Темный плащ полностью скрывал его высокую фигуру, лица почти не было видно, вернее, создавалось впечатление, что его визави прячет взгляд.

- Скажите мне... я умер?

- Ну... как тебе сказать, ты умер, но живой, - вяло отозвался собеседник.

- Не понял?

- Куда тебе понять? Твои познания не далее стихов и глупых рассуждений об удовольствиях идут. А дальше глянуть было лень?

- О чем вы? Я не понял снова.

- Не понял он. Вот зарядил, как Попка-попугай! Хоть лекцию тебе читай... А ведь по части лекций это - ты у нас мастак. Забыл, как глупой Глашке лекции читал? Стоял я рядом и от смеха умирал. Нашелся лектор по анатомии! Ты приуныл? Пожалуй, я к тебе необъективен. А лекция была чертовски хороша! Тебя я незаслуженно обидел. Прости меня, любимая душа, - произнес он с умилением. - Нет, если б не по нраву мне были лекции сии - меня бы рядом не было с тобой. А так, как ни крути - ты мой и только мой...

Господин в темном плаще явно упивался своей речью:

- Придется просветить тебя немного, ведь предстоит нам дальняя дорога. А ты меня расспросами измучишь. Изволь, все в краткости получишь. От долгих перораций я устал. Так вот: душа - бессмертная монада. Хм... корпускулы, молекулы..., но это нам не надо... Слушай, мне скучно все это жевать. Тебе уж тридцать лет, пора бы было знать, что знает каждый смертный человек: уж сколько не умри - душа жива вовек. Ну, а тела - что в шкафчике одежда. Надел, носил и бросил. Чего о них жалеть? Ты понял?

- А я думал, это - выдумки, - обескуражено молвил Владимир.

- Вот-те, на! Выдумки! А ты подумал: жизнь, она - одна, и надо бы прожечь ее сполна. «Кто спросит?» - думал ты, - «нет Бога, нет и Сатаны?». Глупец! А что

попы у вас «Закон» читали? А, я забыл, ты ж церкви избегал... И правильно делал, – удовлетворенно крякнул он. – Кстати, попы вещают о другом – мол, душа живет ОДНАЖДЫ. А после – две дороги: в Ад иль в Рай. Что более по вкусу – выбирай, – он снова хмыкнул. – Не мне судить попов. Не моя прерогатива, к сожалению, но то, что говорят они, порою... заблуждение. И каждый смертный отмечает многие рождения. Душа меняет лишь тела и опыт вечный обретает. Ладно, я потом подробней расскажу, как время будет. Короче – каждый грешен человек. Шаг сделал – счет ведется, судьба, как ни крути, за ним крадется. Хотя, о чем я? Ты же в университетах учился. Или не учился больше, а глумился?

– Над кем?

– Я замечал, над всеми: над товарищами, профессорами и даже... – голос незнакомца сделался нарочито зловещим, – над отцом духовным. Тебя тянуло к действиям греховным. Последним обстоятельством доволен я весьма.

– Неправда! Кто вам это рассказал?

– Опять сморозил глупость. Секрет тебе открою: я всюду рядышком бывал! Я, почему упомянул твое учение? Ты должен знать грехов перечисление – семь смертных человеческих грехов. Фому Аквинского[1 - Фома Аквинский (1225–1274) – философ и теолог, систематизатор ортодоксальной схоластики, учитель церкви. Концепция семи смертных грехов получила распространение после его трудов.] читал? А свод Григория Великого[2 - Григорий 1-й Великий (ок.540–604) – 64-й Папа римский, «Двоеслов». Читится Церковью, как ее учитель. В 590 г. он внес коррективы в список семи смертных грехов]? Сии мужи, но я – не их поклонник, «оформили научно» семь грехов. Приврали понемножечку фривольно. Но список по сей день таков: похоть (он же – блуд), обжорство, алчность, уныние, гнев, зависть и гордыня. Ну что, доволен? Ведь ты же это знал... Знал, но не верил? Ладно, я устал. А мне еще придется столько говорить. Как голос бы с тобой не посадить. Пойдем скорее. Все потом. У нас с тобою будет целый век. Я уболтаю тебя, глупый человек!

– Подождите, можно я прошусь?

– С кем?

– С... моим телом.

– Во, а ты сентиментальным оказался. Надо же! Ну иди, простишь. Только недолго.

Владимир подошел к мертвому телу. Несмотря на ужасающую бледность, оно все еще было красивым. Заботливая рука друга прикрыла кровавую рану кружевным платком. Алые пятна живописно вспухли на французской вязи белого изысканного кружева. Русые локоны слиплись в тех местах, где пролилась кровь, длинные ресницы неплотно прикрывали веки, обнажая край серого, потухшего взгляда. Уголки губ скорбно опустились вниз, темная струйка сочилась по заострившемуся подбородку. Профиль стал резче, тоньше и прозрачней.

– Ах, какой кровавый натюрморт! Его можно назвать: «Бургундское на скатерти», или «вишни в сливках», или «снегири на снегу». Ладно, что – то я увлекся не на шутку. Важность момента, а я глумлюсь над бедным мальчиком, – шутовски проговорил незнакомец и притворно всхлипнул.

«Мама! Моя мама увидит это и умрет от горя. Она ведь не знает, что я не умер... до конца», – удрученно размышлял Владимир.

– Смотри, ха-ха, Игнат как испугался! Какую деятельность бурную развел! За лекарем послал. Идиот! Надо за священником, родимый, посылать, а он за лекарем – едрёна мать!

– Зачем вы так? Он – друг мой, он расстроен.

– Да?? Это он пока... Сейчас жандармы быстро набегут, и казака в тюрьму упекут. Подумают, что он тебя пришил, ведь он с тобою только и грешил.

– Как? Так он невинно пострадает. Ведь, убил меня не он, а Шафак! Ах, как он мог? Я так его любил!

– Ну вот, опять ты нюни распустил! Любил он... Никого ты не любил. Не зли меня! Помнишь, тебя твоя подружка просвещала... ну эта... Как её? Кудрявая? – Мари! Она же оградить тебя хотела от сложностей... мужской любви. Патрицием тебя звала и даже восхищалась покупкою «игрушки»... Жаль, не поверил ты своей подружке. Кастрат-то оказался так жесток! Хорошим содомита был урок!

– Подождите, у меня до сих пор горло болит. А вы сказали, что я умер. Что-то здесь не так.

– Не так? Да просто ты – чужак и многого не знаешь, а потому не веришь мне. Так слушай: только умер человек, уж душу тянут к месту назначения, у каждого оно – свое, согласно «Табели о рангах». Про ранги я шучу. Но смысл в том – душа уж воспарила, а тела боль в ней пару дней еще гудит. Не то чтобы гудит, скорей – зудит. Скоро боль пройдет, один лишь шрам останется и то, если свой облик прежний сохранить ты пожелаешь. На мой взгляд: у тебя славное тело, недаром все женщины тают при виде его. Посмотри, какой красавчик! А эта скотинка Шафак такую плоть испортил. Будет время – я им займусь отдельно, чтоб неповадно было всяким туркам русских убивать господ... Да черт с ним, пусть пока живет.

– Подождите.

– Ну, что опять? Какие вновь уловки? Тебе охота стать привидением или дедом Банником при бане? Поверь, эти доли не твои и не принесут тебе удовлетворения. Твое – совсем иное назначение.

– Подождите, а зачем был этот свет и ангелы меня манили? Я видел, они были рады мне.

– Рады? Эти белоголовые канарейки, эти пуховые курицы, эти толстые, бесполое создания? Да они только делают вид, что рады. Они рады каждому. Позовут, помянут, обнадежат. А там Старик тебя начнет журить, картинки жизни совать под нос, где ты грешил. Ты станешь искренне оправдываться, страдать, унижаться, давать обещания, плакать, каяться. А что в итоге? В итоге – тебе прочитают длинную проповедь, унижат и растопчут морально, а это – такой удар по самолюбию... А самолюбие твое ох, какая ценная субстанция. Но об этом позже. Ты выслушаешь все смиренно, падешь на колени, будешь надежды лелеять. В итоге – Старик улыбнется по-вольтеровски и скажет: «Нет милоч, не заслуживаешь ты рая... Иди, поучись малость, тогда приходи!» А? Каково? Небеса разверзнутся, и полетишь ты в Преисподнюю, а ангелы на прощание еще ручками помашут. Ты же видел их аппетитные ручки? Вот ими и помашут и глазками голубыми посмотрят на тебя с состраданием, слезу даже пустят на дорожку. И где ты окажешься? Снова у нас. Так зачем столько сложностей, когда итог один? Зачем укоры совести? Совесть, мораль – обветшалые понятия.

Ты и сам не раз об этом говорил. Твой монолог об узости морали, когда ты Глашку на распутство соблазнял, я поместил в почетные скрижали. У демонов своя есть тайная скрижаль. А, впрочем, хватит! И времени на пустословие мне жаль! – чувствовалось, что новый собеседник сильно нервничал. – Не морочь голову ни мне, ни себе. Я так возмущен твоим вопросом, что даже рифмы подобрать не смог! Еще раз говорю: не зли меня, сынок!

– А... я что-то стал припоминать. Пока я спал, приходил какой-то господин. Он говорил, что мной доволен, награду обещал. Так как? – с надеждой возразил Владимир.

– Ты, братец, не дурак. Припомнил все! Это был наш Хозяин. Я здесь по его поручению. Награду получишь, всему – свое время.

Владимир снова почувствовал на себе цепкие пальцы. Теперь их хватка стала почти железной. Незнакомец потянул за рукав, увлекая его к окну. Дрогнули деревянные, крепко сколоченные рамы. Игнат и полуодетые женщины с ужасом увидели, как оконная створка открылась сама по себе, треснуло и раскололось стекло, со странным звонким, почти мелодичным дребезгом разлетелись по полу мелкие осколки. Из ночи потянуло запахом сырой земли и могильным холодом, две темные тени, похожие на сизый печной дым вылетели в окно. Игнат побелел. Трясущиеся от похмелья пальцы, соединившись в троеперстие, принялись лихорадочно осенять крестным знаменем грешные тела прелюбодеев. В затуманенных мозгах всплыли обрывки, забытых некогда молитв: «Отче наш, иже еси на небесех!» Одна из девиц всхлипнула и громко взывала: «Мамочка! Господи, спаси и сохрани, и помилуй меня, грешную!»

На востоке начала алеть ранняя заря, притихший перед рассветом лес дышал ночной свежестью, туман обильно увлажнил все живое на земле. Трава, цветы, изумрудный бархатный мох и даже пестрые спинки спящих ужей и лягушек покрылись каплями утренней росы. Тонконогие птицы сонно качались на ветках, пережидая густую темноту, они сожалели о том, что ночь перекрывала их многоголосые рулады. Их крохотным, легким душам так хотелось жить и петь, что сумерки воспринимались ими как досадное недоразумение, после которого опять придет новый солнечный день.

Владимир ощущал упоительное чувство полета, он летел рядом с темным господином. Его ноги едва касались верхушек берез и сосен, густая листва шелестела от прикосновения кожаных сапог. Он словно бы шел по живому,

темно-зеленому ковру. Запахи ночных трав и цветов будоражили чувства. Он еще не покинул этот мир, а ему было невыносимо грустно от предстоящей разлуки. Казалось, отпустили бы его на землю – он кинулся бы целовать каждый листик, каждый куст и травинку. Он бы побежал просить у всех прощение... «Я хочу в церковь, к батюшке. Я хочу покаяния», – печалился он. Пальцы незнакомца еще сильнее сжали предплечье, рука занемела от боли.

Что ждало его впереди? Он снова почувствовал, что плачет. Они летели над помещьем.

– Подожди немного. Можно, я гляну последний раз?

– Я устал от твоих сантиментов. Может, хватит слезливых моментов? Последний раз посмотрю, последний раз покурю, может, еще развратом дать последний раз заняться? Я уверяю: этого у тебя будет в избытке! Не делай глупые попытки. Перед смертью не надышишься, не насмотришься и в «праведники» не запишешься. Ишь, он церковь вспомнил на прощание!

– Я даже не оставил завещание!

– И без тебя, голубчик, разберутся. Не бойся, уж наследнички найдутся!

Сердце сжалось от боли при виде двух господских домов, хозяйских построек. Ноздри уловили нежный аромат яблонего сада и запах свежескошенного сена. Прощально пахло молоком, кофе и свежей сдобой – искусный пекарь еще с ночи поставил в печь любимые Владимиром булочки с ванилью и маковые кренделя. Где-то во дворах протяжно мычали коровы, готовясь к утренней дойке. Пару раз кукарекнул петух, норовя луженое горло к утреннему крику. Слышалось сонное бормотание прислуги, короткие летние ночи не давали долго поспать.

В глубине дома почивала его мать. Ее сон был тревожным – мучили кошмары. Она еще не знала, что наступающее безмятежное августовское утро будет самым ужасным утром в ее жизни. После него она никогда не будет рада ни одному божьему утру.

Миновав усадьбу, от которой Владимир не мог оторвать прощального взгляда, они оказались в лесу. Его спутник сильно торопился, рассвет набирал силу. Они

приземлились на широкой лесной поляне. Незнакомец вдруг сильно подрос и стал шире в плечах. Он притянул Махнева к груди, словно малое дитя. Владимир почувствовал: лоб и нос уперлись во что-то очень жесткое и холодное. Словно крылья гигантской летучей мыши, запахнулись полы длинного плаща. Темный господин задрожал, и вместе с ним вздрогнула земля. Свернутый из плаща гигантский кокон, в котором находилась испуганная душа Владимира, стал походить на диковинную куколку шелкопряда, увитую темными венами черной крови и сгустками железных мышц. Этот кокон вдруг принялся вращаться, вгрызаясь в пласты травяного дерна и комы черной земли. Земля разверзлась – кокон со страшным свистом улетел в Преисподнюю, увлекая с собой несчастного грешника. На месте, куда он вошел, обгорела трава, черный дым струился в утреннем рассвете.

На горизонте показались первые лучи горячего солнца, спустя мгновение светило упруго выстрелило, приподнявшись спелым краем над божьим миром. В деревне громко заголосили петухи, горделиво перекрикивая друг друга. Начался новый день, в котором уже не было Владимира Махнева.

* * *

Было страшно: в ушах стоял свист, крики, стоны. Плавилось пространство, сыпались искры, рушились горы. Казалось, он теряет сознание. Наконец все остановилось. Он открыл глаза – вокруг стоял полумрак, пахло сыростью и мышами. Теперь его не держали цепкие пальцы, пока он был свободен. Когда глаза немного освоились в темноте, он увидел, что находится в какой-то пещере. Где-то монотонно и гулко капала вода, было немного зябко.

– Не дрожи, я сейчас разожгу костер. Это – наша остановка. Здесь мы познакомимся с тобой. И я расскажу тебе немного о том месте, где ты теперь будешь жить, – спокойно и немного устало сообщил господин в темном плаще.

Чиркнули «палочки Люцифера»[3 - Палочки Люцифера – так в 19 веке часто называли обычные спички. Считается, что первые химические спички сделал в 1805 году французский химик Шансель. Изобретение первых серных спичек приписывают английскому аптекарю Джону Уокеру в 1826 г. (Примеч. автора)], рассыпались искры, послышался хруст, пламя неровными языками осветило пещеру. Да, это была именно пещера. Ее таинственные своды уходили в далекие каменные галереи, их концы терялись в густой, непроходимой мгле. По обеим

сторонам каменных стен были выдолблены удобные скамьи, покрытые шкурами медведя и рыси.

– Садись, отдохни с дороги.

Владимир боялся поднять глаза и взглянуть в упор на своего визави.

– Теперь можешь смотреть на меня. Я часто меняю свой облик. Ты потом к этому привыкнешь, – руки незнакомца откинули капюшон темного плаща. Владимир невольно зажмурил глаза. Он ожидал увидеть страшное лицо, покрытое темным волосом и с пятачком вместо носа. На удивление – перед ним сидел молодой, красивый мужчина. Русые, с небольшой рыжиной волосы мягкими локонами обрамляли светлое аристократическое лицо. Серые глаза, тонкий нос, элегантные усы и аккуратная борода клинышком – все это произвело странное и ошеломительное впечатление на Владимира. К тому же у незнакомца оказалась стройная, широкоплечая фигура. Одет он был в костюм, какие носили при дворе короля Людовика 14, в мушкетерские времена. Плащ из черного приобрел синий оттенок, шелковая подкладка поражала ослепительной белизной. Ажурные манжеты алансонского кружева[4 - Алансонское кружево – вид ценного ручного кружева, получившего свое название от города Алансон в Нормандии (северо-запад современной Франции).] выглядывали из-под серого камзола, белый воротник с вышивкой «point de France»[5 - «Point de France» – знаменитый «французский стежок», мелкий изысканный узор, вышивка по шелку. В 17 веке министр Людовика 14 Жан Батист Кольбер создал школу французского кружева, которое по красоте превосходило кружева из Венеции и Фландрии (Примеч. автора)] оттенял ровный матовый цвет кожи. Роскошная шляпа «а-ля Рубенс» со светлыми пружинистыми перьями покоилась рядом с высокими кожаными ботфортами. Казалось, что сам принц крови или знатный вельможа с Версальского двора, собственной персоной, сошел с картины знаменитого живописца эпохи Барокко.

– Что, удивлен?

– Не скрою, да...

– Ты ожидал увидеть волосатое отродье? Не обольщайся сильно, я бываю разным. Могу быть пастором благообразным, могу быть с мордой лошадиной, например. Могу одеться на любой манер. Могу... А, впрочем, сам потом увидишь,

мой «маскарад» еще возненавидишь. Ну, а пока, вот я каков! Хорош? – мужчина приосанился. – Я тоже так считаю. Ну что же, я к знакомству приступаю. Я демон и служу я Сатане. Хозяин меня жалует вполне.

Владимир, молча, смотрел на демона. Тот продолжал:

– А если посерьезней, ты послушай. Мой прадед – Люцифера[6 - Люцифер – одно из имен дьявола в позднем Христианстве.] сын достойный; великий регент Самаэль[7 - Самаэль – в иудейской демонологии злой дух, демон, часто отождествляемый с Сатаной] – брат деда моего. От рук врагов дедуля в прошлом веке был убит... – в этом месте демон изобразил страдальческую мину и вздохнул. – Бабуля – отпрыск благородный: внучатая племянница Лилит[8 - Лилит – первая жена Адама, змея. Злой дух, обычно женского пола в иудейской демонологии. Изображалась в виде высокой молчаливой женщины с длинными, черными волосами.]. Отец по службе продвигался резво – тому помощник дядя Асмодей[9 - Асмодей – один из самых могущественных и знатных демонов. Дьявол вожделения, блуда, ревности и одновременно мести, ненависти и разрушения.]. А мать? Вот про нее я лгать не смею. Мамуля – смертная, но княжеских кровей, – он рассмеялся. – А дальше я не желаю перечислять своих родственников. Имя каждого из них приводит в трепет всех земных и неземных тварей. Меня самого зовут... А, впрочем, имя настоящее свое я не волен выдавать смертному. Когда ты по ступеням службы продвижение получишь, тогда откроется тебе оно. А ныне будешь звать меня ВиктОром. Да просто так – ВиктОром, лишь с ударением на слог второй. Я думаю, так проще нам общаться будет. Согласен ли ты в этом, голубь мой?

Владимир кивнул и проглотил слюну – горло до сих пор побаливало.

– Да, кстати, вот возьми пока этот шарфик и повяжи им шею – смотреть немного неприятно на рану. Она скоро заживет, и боль утихнет. Пару дней пройдет, и ты забудешь раны зуд. Но не забудешь только блуд, которым ты с кастратом занимался. Да, он не дурно постарался! – на красивых губах мелькнула ироничная улыбка.

Владимир взял в руки шелковый шарф, пахло знакомым одеколоном. Он повязал шарф вокруг шеи.

– Ты удивлен, почувствовав Фарины[10 - Фарина, Иоганн Мария (1685–1766) – основатель парфюмерной фабрики в Кёльне, создатель одеколona.] аромат? Ты думаешь, я только серой должен пахнуть? – глаза Виктора лукаво блеснули.

– Нет, я не думал так...

– Продолжим наши разговоры. Я расскажу немного о себе. Постараюсь обойтись без рифмы. Служу я у Хозяина уже много тысячелетий. Когда я был совсем юным, демоном неразумным, то пытался, как всякий юнец, выбрать призвание. И наконец... Нет, надоели мне рифмы. В общем, я ко многому приглядывался, многие грехи с пристрастием изучал. То мне нравилось наказывать лжецов, то завистников, то гордецов. То к обжорам был равнодушен, то убийц пытался мучить души. Тьфу, вот же напасть! Устал я от рифмы, чтоб тебе пропасть! Это же ты стишками баловался, а я – лукав и должен неразумного учить, чтоб навсегда от рифмоплетства отлучить! Ладно, буду отучать по возможности, здесь, как везде, есть свои сложности...

– Мне странно все это слышать. А дальше как? Какое же вы выбрали пристрастие?

– Мне по душе... Не удивляйся, и у демонов есть души. Так вот, мне по душе оказалось – прелюбодеяние. Блуд и похоть завладели сознанием. Я с удовольствием покровительствую тем, кто грешен в блуде. Это мой удел и моя стихия, к тому же. Я разыскиваю заблудшие души, погрязшие в этом грехе. У моего тонкого призвания столько приятных особенностей, сколько у человека блудских склонностей. Я так долго изучал разные блудства, что сам встал на путь грязного распутства, – Виктор расхохотался, обнажив белоснежную улыбку, глаза сверкнули красноватым огнем. А может, в них отразились искры от костра.

Нависла небольшая пауза. Владимир внимательно рассматривал Виктора. Он никак не мог поверить, что перед ним сидит демон, а не смертный человек. Когда он был живым, такой обаятельный злодей мог бы стать ему настоящим товарищем.

– Все твои мысли я слышу. Я рад, что нравлюсь тебе. Хотелось бы и дальше тебя не разочаровать. Будешь мне верен – не будешь страдать.

– А я снова вспомнил... про Хозяина. Он обещал мне награду, – смущаясь, обронил Владимир.

– Какая память! Надо же, все помнит он. Хозяин слово держит... иногда, – насмешливо изрек демон.

– Нет, я помню, он говорил довольно убедительно со мной. Не мог он лгать, он правду мне сказал.

– Правду? Ну, ты рассмешил! Ждать правды от лукавых! А разве сам ты никогда не лгал крестьянским бабам, проституткам, Глашке, Игнату, матери, скопцу, друзьям? Мне список сей продолжить? Забавник, так меня сметишь. Как можно верить бесам, коль сам был в обещаньях хуже их? Ты был еще повесой, а врал уж так, что Велиал[11 - Велиал – в Библии демоническое существо, дух небытия, разврата, лжи и разрушения. Слывет самым извращенным обольстителем и лжецом.] на миг притих. Ты правды захотел? Отвечу я словами гениального пиита: «Нет правды на земле. Но правды нет – и выше»[12 - «Моцарт и Сальери» (1830) А. С. Пушкин.]. Добавлю от себя лишь маленький штришок: «Её и ниже тоже НЕТ, дружок!»

Владимир удрученно опустил голову.

– Ну ладно, успокойся. Я шучу отчасти... Не будешь вредным – будет тебе счастье! Я твой наставник в этом веке тьмы. Сначала мы изучим курс учебный, а после наберешь себе очков. Коль будешь ученик прилежный – награды будут. Тут без дураков!

Костер разгорался сильнее, стало тепло. Владимир почувствовал: его клонило ко сну.

– Я вижу, ты устал с дороги. Не бойся, скоро отдохнешь. Я расскажу тебе о месте, где сотню лет ты незаметно проведешь. А, в общем, слушай: это место тоже – ад. Но ад совсем не тот, какого ты боялся. Тут нет котлов с кипящей смолой, и души в них не стонут, и черти не кладут охапки дров под них. Здесь все иное, сам потом увидишь...

Последние слова демона Владимир едва слышал. Он сильно устал, дрема незаметно овладела сознанием, голова склонилась к мягкой звериной шкуре.

Ему снилась вереница образов: печальные ангелы, лицо плачущей матери, растерянный Игнат, идущий под конвоем двух солдат, бледное и прекрасное лицо Глафиры. Он увидел сельский погост. Показалось, ноги коснулись земли. Стоял солнечный сентябрьский денек. Листва на деревьях немного пожелтела. Тонкие паутинки переливались и таяли в прозрачном воздухе. Взгляд скользил по могилам. Владимир подошел ближе – свежий могильный холм, комья рыхлой земли, цветы возле креста. На кресте написаны буквы и цифры... Это – его имя и годы жизни. Сердце сжалось от тоски. Он увидел плачущую мать, сидящую возле могилы. Заглянул ей в лицо. Она сильно постарела и вся сгорбилась. От прежнего кокетства и лоска не осталась и следа. «Моя смерть превратила ее в старуху. Как жалко мне ее. Мы часто ссорились – я обижался. Она была во многом не права. Но, она – моя мама, и она до сих пор любит меня», – взор туманился от набегающих слез. Владимир подошел к матери и попытался ее обнять. Она не видела его, но показалось, почувствовала его руки и вся вострепелась, глаза с надеждой и испугом смотрели вокруг. Он прижался к ее груди, пахло знакомым ароматом детства, цветочными духами и валерианой.

– Мама, мама, не плачь. Я – жив, – тихо проговорил он.

– Володя, милый, ты здесь? Отзовись! Я чувствую: ты рядом! Володя! Сынок! Володя! – кричала она со слезами.

– Володя, Вова, вставай! Нам пора! – протяжный голос матери внезапно перешел в чуть резковатый мужской баритон. Рука Виктора тормозила его за плечо, выталкивая из сновидения, в котором была его мать. – Ты слишком долго спал. А нам пора идти.

Владимир едва разлепил веки, лицо казалось мокрым от слез: «Это был не сон. Я точно видел маму».

– Какой, однако, ты чувствительный... Раньше я за тобой такого не замечал. Ладно, хватит сырость разводить. В пещере и так влажность большая. Нам надо идти. Я устал, поджидая, когда ты проснешься.

В руках у Виктора оказался большой факел. Его пламя ярко освещало все кругом. Виктор приподнял факел выше, и Владимир заметил какой-то темный блеск и шевеление. Показалось, что стены дышат и колышутся, а на него уставились тысячи пар маленьких черных, словно бусины глазок. В этих бусинах

отражалось пламя костра и, казалось – эти невидимые создания смотрят очень злобно, мечтая вонзить зубы в любое свободное горло. А может, кровавая рана Владимира распалая это жестокое желание. Он вздрогнул, мороз пошел по телу, от страха шевельнулись волосы.

– Ну, налетели кровососы, – проговорил Виктор. – А ну, кыш-кыш отсюда!

Послышался неприятный шорох и скрежет когтей о камни. Потом раздался утробный, звериный клекот, и стая летучих мышей, потревоженная демоном, со свистом взлетела в темный потолок пещеры. Она устремилась к невидимому своду, потом упала: кожистые серые крылья неприятно коснулись голов и рук спутников, оскаленные, покрытые короткой шерстью морды, злобно смотрели на Владимира.

– Вы не поняли меня, маленькие вампиры? Ищите себе другие жертвы. Летите в мир подлунный. В нем много крови, там утоляйте свою жажду. Владимир – мой ученик, и этим все сказано! Кыш, отсюда!

От чувства холодящего омерзения Владимир зажмурил глаза. А когда открыл их, то увидел – конец мышинной стаи мелькнул в одной из бесконечных анфилад зловещей пещеры.

Виктор снова взял его за руку и повел в один из длинных коридоров. Под ногами хлюпала вода, серые стены, подернутые черной плесенью, тоже казались склизкими. По ним то и дело мелькали юркие змеи, щетинистые многоножки и пауки. Владимир холодел от чувства брезгливости, он опасался, чтобы какая-нибудь тварь не заползла к нему под воротник. Они шли долго. Наконец уперлись в каменную дверь. Демон слегка нажал на нее, камень со скрипом отворился. В глаза ударил свет.

* * *

Это был не солнечный свет. Свет в этом мире был похож на петербургскую белую ночь. Солнца не было, но не было и тьмы. Легкая серость, влажная дымка, местами клубился туман. Но после мрака пещеры этот мир воспринимался, как подарок. Стояли деревья, вдалеке виднелся лес, луга, дорога.

– Ну как? Не страшно? – спросил Виктор.

– Это и есть Преисподняя? – ошеломленно прошептал Владимир.

– Глупец, это и есть подарок Хозяина для тебя. Ад бывает разным. В нем много этажей. Твоей душе, не без моей протекции, Хозяин предоставил сей этаж. А мог в котел отправить. Чувствуешь, как повезло тебе? Так радуйся и слезы вытри. А то, какой пассаж: кресты, могилки, церкви... Оставь, сей гнусный эпатаж! – Виктор погрозил длинным пальцем перед носом Владимира. – Ты жив, и вечность перед нами. Я многое не стану говорить, чтоб не испортить кейф от пребывания... Излишние познания нам могут навредить. Пока. На этом вот этапе. Твоей души волнения и страх я в игры завлеку, сплетя все нити нави[13 - Навь – в источниках по славянской мифологии и фольклору известен термин «навь», означающий мир мертвецов. Мир Нави – это незнакомая нам Явь, так называемый «тонкий мир».]...Что далее? Скажу потом. Всему своя пора.

Они вышли к дороге. Ноги тонули в мягкой пыли желтого оттенка. По обочинам росли деревья. Они совсем не походили на те, что встречались на среднерусских широтах. Нет, здесь были и березы, и осины, и дубы. Но меж них, словно богатые чужестранцы среди местного «народца», вольготно зеленели каштаны, кипарисы, платаны и даже пирамидальные тополя и пальмы. И сами деревья были чудны: часть их цвела ярким майским цветом, и около цветов копошились крупные пчелы. Движения этих пчел казались более медленными, чем на земле. Иногда пчелы сталкивались друг с другом, производя монетный звон. Владимир засмотрелся на насекомых и чуть не упал, запнувшись о дорожный валун. Ему показалось: пчелы тоже приглядываются к нему и странно шушукаются меж собой.

Другие деревья не цвели, а наливались плодами. Здесь были и яблоки и груши. Причем на одной и той же ветке. Диковинные плоды разнообразных цветов и форм гроздьями свисали с веток. Некоторые образцы он видел впервые. Самым странным было то, что листья на деревьях выглядели, словно неживые. Они были неестественно ровные, блестящие, утолщенные. Казалось, их специально покрыли глянцевым лаком. Владимир никак не мог понять: в чем дело? И тут его осенило: неужели в этом мире нет ветра? Листья не дрожали от легких порывов. Все замерло, словно на бутафорской декорации. Теперь они шли по дороге, покрытой хрустящим терракотовым гравием.

– Родной мой, ты потом изучишь: и фауну и флору сих краев. Идем скорее. Я должен тебя к дому привести. Натуралист нашелся! – демон хмыкнул. – А ветер здесь бывает. Но, правда, не всегда... Хочу – бушуют бури, хочу – стоит жара!

Впереди на дороге, откуда ни возьмись, показался крупный, полный господин с русой бородой и пшеничными усами. Одет он был, как зажиточный крестьянин – в кумачовую рубаху, домотканые крепкие штаны, яловые сапоги и безрукавку, отороченную овечьим мехом. На голове глянцевым околышем поблескивал новенький картуз. Красноватые, пухлые, подернутые рыжим волосом руки, держали большую корзину. Белая домотканая тряпица прикрывала ивовый обруч.

– А, господин Горохов! Рад видеть вас, – произнес Виктор. – Откуда вы?

– Здравы буде, Магистр! – подобострастно ответствовал полный господин и низко поклонился. – Вот, лытаю* (см. Приложение. Толкование некоторых старорусских слов.) токмо с устатку, окрест сюеза грибы собираю. Скажу вам: зело лепые грибочки народились. Верите, так и прядали сами в корзину. – Он приподнял край тряпицы – в корзине лежали крепкие боровики, рыжики, маслята.

– Охотно верю, господин Горохов. А с домашними делами вы управились? В лаборатории все ладно?

– Что вы, патрон, зачем же сякое вопрошать? Я – холоп ваш чредимый и присно тщание сподоблен проявлять и бдети, наипаче о лаборатории похимостной. Се бо, яки я дерзну ослушаться моего наказателя и окормителя? Сиречь, меня туганить не требно, я и сам могу себя окаяти, ежели от недбальства студа не иму...

– Похвально слышать, – перебил его демон. – Такое трудолюбие и рачение о делах наших скромных делает вам честь, милейший. Разрешите представить: Владимир Иванович Махнев. Теперь он тоже будет вашим соседом.

– Вельми благодаю! – улыбаясь, закивал Горохов, глядя то на Владимира, то на Виктора. – А меня Федором Петровичем величают, – важно, переходя на бас, представился путник. – А можно полюбопытствовать о сроке проживания? – неожиданно, совсем не к месту брякнул он и густо покраснел.

– Эх, Горохов, разве вы не помните, за что Варваре на базаре оторвали длинный нос? – отвечал демон.

– Нет, нет, конечно. Простите мою навязчивость. Опять я оплошал.

– Да не навязчивость сие зовется, а любопытство – ваш порок, – усмехнулся Виктор.

Глаза Владимира заметили что-то странное: корзина с грибами, накрытая тряпкой зашевелилась, в ней что-то пискнуло и приподнялось. Горохова сии метаморфозы ничуть не смутили. Красная ладонь шлепнула по верху, словно утихомиривая кого-то.

– Убо, трожды вельми благоую! Я раб, смердящий от туги и искуса. Вдругорядь сякое воспрошать воздержуся. Разрешите, откланяться? Господин Махнев, милости прошу: заходите ко мне в гости, – уныло проямлил Горохов и поплелся по дороге. Объемистая корзина странно подрагивала в его крепких руках.

– А что он спрашивал о сроке проживания? – поинтересовался Владимир.

– Видишь ли, мой друг, не смотря на то, что жизнь в моих пределах вполне удобна и даже весела, иная душенька, что мышка в щелку, стремится к новому рождению, мечту лелеет искупить грешки «святыми» мыслями, поступками благими...

– И ей дается право? Её надежды не напрасны? – спросил Владимир, чуть затаив дыхание.

– Я сказал, стремится... – бровь демона лукаво приподнялась, красивое лицо вновь исказила усмешка. – Ты о правах забудь навеки. Здесь каждому свой срок определен. Горохов у меня живет уж третий век. И для него сие – болезненный вопрос. Разгадку получить он тщится. Он глуп, и нет, чтобы смириться... Смирением, глядишь бы, отменил себе урок.

Впереди густо стелился туман. Красная крыша, крытая ровной черепицей, едва виднелась в беловатых клубах, похожих на ватные облака. Владимир и демон вошли во влажную пелену. Туман пах травой, ванилью, кофе и, как ни странно, в

нем присутствовал аромат любимого одеколона, английских сигар и легкий оттенок восточных благовоний.

– Чувствуешь, мы подходим к твоему дому. Я обустроил его на твой вкус, – с гордостью изрек Виктор.

Владимир только ошарашено осматривался по сторонам. Пройдя густые, пряные и влажные клубы тумана, они оказались возле невысокого голубого забора. За ним шла зеленая лужайка, цветочные клумбы и сам дом. От удивления рот Владимира приоткрылся. И было, чему удивляться. Они никак не ожидал, что здесь, в аду он сможет зажить в таком добротном и красивом доме. Этот дом чем-то напомнил ему свой собственный в фамильном имении. Конечно, он был меньше, без лепных колонн и острого фронтона. Но все же... Белые, ровные стены, большие окна с разноцветными занавесками, горшки с геранью, аккуратная крыша, второй этаж, небольшая мансарда – все это смахивало на милое сердцу Махнево. Уютный дымок сизой струйкой вился из беленной печной трубы. Крыльцо, украшенное кованной чугунной вязью, вело на крытую резную веранду. Чистые, словно промытые стекла, немного блестели. Белые деревянные рамы украшал легкий растительный узор. Во дворе росли кусты жасмина, сирень, несколько яблоневых деревьев, ближе к дому пестрели клумбы с астрами и еще какими-то незнакомыми цветами. В глубине двора показался маленький флигель и несколько хозяйственных построек. Взор Владимира чуть затуманился от предательски набежавшей слезы.

– Ба, да у меня dej? vi, от твоего умильного взгляда. Знаешь, кого ты мне напомнил? Шафака! Ты так сейчас похож на него... Та же благодарность во взгляде. Я живо помню то, как он оказался в твоём доме. Тебе льстила восторженность турчонка, его «охи» и «ахи». Не правда ли, приятно ощущать себя щедрым хозяином, на которого смотрят восторженные глаза несчастного раба?

– Шафак не был несчастным... Я слишком баловал его, – возразил Владимир, краснея.

– Угу, как балуют любимую игрушку или собачку. У попа была собака, он ее любил, она съела кусок мяса, он ее... Ах, это не из этой оперы. Ну ладно уж, любил. Ну, а зачем же бросил одного в лесу? Ты думал, он найдет в нем колбасу, или хлеба раздобудет на березе? С собаками и то не поступают так. Хотел ты, чтобы турок постройнел? А турок чуть с тоски не окошел...

- Может, хватит попрекать меня Шафаком? Ведь не я его, а он меня убил.

- Будь поумнее ты и с меньшею гордыней – не стал бы хвастать множеством клинков. Да это все равно, что цыгана поставить сторожем в конюшне рысаков. Итог один: и цыган лошадей угонит, булату турок тоже применение найдет.

- Да и не турок был он вовсе! – досадливо отмахнулся Махнев.

- Но с детства жил в Османии, а стало быть, тех мест он нравы все-таки впитал. А ты, как слабоумный... басурманину(!) коллекцию оружия достал!

Они зашли в дом. Обстановка походила на его собственные комнаты в имении – дорогая итальянская мебель, гобелены, картины, бархатные шторы. Просторная столовая с камином, гостиная, библиотека с приличным собранием книг, пара комнат для гостей – все это находилось на первом этаже. Поднялись на второй этаж. Широкая кровать с балдахином, высокие стулья цвета вермильон[14 - Вермильон – ярко-красный, цвета алой киноvari. От французского «vermillon»], мягкие кресла и пате[15 - Пате – род мягкой мебели, табурет с мягким сиденьем.] – все это сильно напоминало обстановку банной горницы в его поместье. Блестящий трехногий столик приютил замысловатый бронзовый турецкий кальян. Рядом лежали длинные костяные и бамбуковые курительные трубки, стеклянная масляная лампа нежнейшего бирюзового оттенка для поджигания опиума, каменные чаши, и досканец[16 - Досканец – ящичек, ларец, табакерка.] с папиросами. Причудливые цветы фуксии, лаковые иероглифы и крючковатые клювы диковинных жар-птиц, танцующих по бокам блестящей лампы, приковывали любопытный взор.

- Я даже опий и гашиш здесь приготовил для тебя. Зачем же грешника лишать достойного занятия? Правда, хочу предупредить, что адские наркотики действуют немного иначе...

- Да? И как же?

- Ну... как тебе сказать. Возможно, позже сам поймешь, возможно, эта одурь не понравится – другого зелья точно не найдешь. Хоть все леса и доли здесь облазишь, к торговцам обратишься, вот беда – другого опия никто не предоставит. Ах, впрочем, это – ерунда...

– Я тоже так думаю. К чему мне опий в адском царстве? Какая разница, какой он?

– Как сказать... Запомни, Вольдемар, здесь все – иное. И чем закончится никак не угадать, – глаза Виктора сверкнули, – ты новичок здесь и поэтому не знаешь, насколько этот мир отличен от того, где ты недавно жил. Пойми, здесь все непредсказуемо: меняет формы, цвет и запах. Приходят образы, уходят образы – здесь не статично все и нелогично даже.

– Не больно много логики я видел и в подлунном мире, – грустно вздохнув, промолвил Владимир.

– Ты это зря! Довольно предсказуемо там было многое, поверь... Как только ты родился, тебя уж сразу и любили – отец, мамаша, тетушки, прислуга, мамки-няньки. Крестьяне верные пахали на тебя. Любили бабы, Глашка полюбила. В том мире постоянным было все. И если не все, то многое. По крайней мере, для тебя. Ты только глазоньки открыл, к тебе уже бежали, чтобы одеть, умыть и кудри расчесать. Искусный кухарь булки пек умело. И запах кренделей, и запах ветчины – все постоянным было и... никаких сюрпризов не таило. Весной цвели деревья, а к осени колосья зрели. А после ночи утро наступало. А здесь – иное все. И движется иначе. Откуда все приходит, в чем смысл, в чем удача? Ты не узнаешь, не поймешь, тем паче сам себе не сможешь объяснить. А в прочем, сам потом увидишь.

– Ну и ладно. Хватит, уж меня стращать. Я так устал от суеты земной, что с удовольствием здесь век свой скоротаю.

– Ну, вот и славно. И зачем страдать? Мне по душе спокойный твой настрой. Жаль, но суеты и здесь не избежать. Я не шучу, философ мой. Спокойно лишь в раю... Сие – не наше дело. У каждого свой вкус, но что до моего – в раю скорее скучно. А здесь, я обещаю: скучать совсем не будешь, и право не грешно и здесь заняться блудом... Ну, а что? Ты снова удивлен? И здесь найдутся бабы, и даже мужики, которые охотно избавят от тоски.

Владимир еще раз окинул глазами спальню. На стене висели портреты обнаженных дам, их роскошные тела покоились в достаточно фривольных позах. Посередине стены, среди обнаженных прелестниц висел портрет самого Виктора.

– Не удивляйся. Я оставил свой портрет. Ты всюду под моим присмотром. Но спальня – особое место. Здесь я оставил свои... глаза. Мой портрет, если ты, конечно, не против, будет наблюдать изредка за тем, что в ложнице твоей творится. Я знаю, что ты равнодушен к оргиям и любишь, чтобы кто-то наблюдал со стороны. Так вот, я иду на поводу у твоих наклонностей, – демон шаловливо улыбнулся. – Ладно, ты ко всему привыкнешь понемногу. Пойдем-ка лучше выпьем за знакомство.

Они спустились в столовую.

– А что, я здесь смогу есть и пить? – спросил Владимир. Будто в ответ на вопрос, у него заурчал голодный желудок.

– Да сможешь, если будет желание. Сможешь силой мысли заказать еду. Но этому надо еще научиться. Пока твоя воля и мысли слишком слабы, чтобы заказать что-то приличное. Ладно, я помогу.

Виктор щелкнул пальцами, и на деревянном столе появилось блюдо с нарезанной ветчиной, ваза с фруктами, хлеб, ноздреватый сыр и пыльная бутылка старого вина, запаянная сургучной печатью. Виктор откупорил бутылку, холодная пенная струя темно-красного вина наполнила бокалы, пахло терпкой вишней и виноградной лозой.

– А не плохой букет, однако! – пригубив вино, Виктор зажмурился от удовольствия, – это вино я достал из собственного погреба. Знаешь, иногда я балуюсь виноделием. Этот экземпляр лежал в моем подвале с 1450 года. Хотя, в моей коллекции есть вина намного старше.

Владимир удивленно округлил глаза.

– Да-да, именно в том году на Аппенинах был славный урожай. Я и воспользовался. Запасся парой сотен бутылок. Я такие вещи не доверяю никому. Сам за всем досматриваю. Отжимом занимаются самые красивые девушки, они пляшут на бочках со спелыми гроздьями. Мои помощники следят за сусликом, купажируют, если нужно, очищают, фильтруют. А я дегустирую. Это – очень хлопотное занятие. Зато, какое качество! Да и к тому же, я могу быть всегда уверен в том, что меня не отравят по злодейскому умыслу. Шучу, шучу! Я сам кого угодно отравлю. Кажется, мы отвлеклись. Ты пей.

Владимир поднес ко рту бокал, но на минуту замешкался: волновала рана.

– Не думай, рана затянулась. Здесь время идет иначе. Я обещал тебе: пару дней пройдет, и она затянется. Так вот, на земле уж больше дней прошло. Пей и не бойся. Тебе порезали лишь горло. А ты представь, когда голова и вовсе отлетела – отсечена на плахе топором. Так, те несчастные довольно долго трогают ее и опасаются притом, чтобы она срослась покрепче и больше не отпала. Не бойся – твоя рана легче.

– Легче? Вы опять смеетесь? Ее хватило, чтобы умереть, – Владимир отхлебнул несколько глотков, по телу разлилось приятное тепло. Стало немного грустно, глаза снова увлажнились.

– Не грусти, Вольдемар. Давай выпьем за твое... Ну, за здоровье пить бессмысленно, – демон хихикнул, – а выпьем мы за новоселье.

Они снова выпили. Тяжелые мысли стали покидать голову Владимира. «А что, может, не так все и плохо? И сам черт – не брат. Или брат?» – размышлял Владимир сквозь пьяный дурман.

Сам собой вспыхнул огонь в камине, затрещали сухие поленья, пламя осветило красивое лицо Виктора. Он снова улыбался.

– Брат, брат. И черт к тому же, – кивнул демон.

«Надо быть аккуратней, он слышит каждую мысль», – сообразил Владимир. Вино кружило голову.

– Ха-ха, мне так смешно. Раз я слышу каждую твою мысль, зачем же их таить? Я все равно услышу!

«Сидит, красуется. Уж больно он хорош. А где его рога, копыта, хвост?» – Владимира разбирало острое любопытство.

В ответ на эти рассуждения раздался мощный щелчок об пол, словно удар хлыста распорол воздух. Владимир замер, его неумолимо тянуло глянуть вниз. Он устыдился своего порыва и выждал несколько минут, едва сдерживаясь. Рука

умышленно подтолкнула вилку к краю стола. Вилка со звоном упала на каменный пол. Он наклонился, чтобы ее поднять и увидел то, о чем смутно догадывался: из-под длинного плаща Виктора, дрожа и дерзко поигрывая, торчал внушительный волосатый... хвост. Вместо кожаных ботфортов на ногах оказались... раздвоенные копыта. Демон слегка постукивал ими, хвост то скручивался в спираль, то загибаясь кренделем, ложился возле ног.

Владимир, дрожа всем телом, распрямылся. Он боялся посмотреть в лицо Виктора. А тот, будто нарочно, опустил русую голову. Среди волнистых, чуть рыжеватых кудрей двумя небольшими шишками бугрились... рога.

– Все на радость моего дорогого протеже. Захотел рога – будут тебе рога! – демон благодушно хохотал.

У Владимира кружилась голова, пламя камина дрожало в глазах – лицо демона плыло где-то рядом. Виктор улыбался белозубой улыбкой, потом лицо вздрагивало и начинало расплываться. Вместо человеческого облика появлялся черт. Он еще хитрее подмигивал, в уши назойливо лез его сумасшедший хохот. Потом кружение прекратилось.

– Ну, хватит. Пойдем во двор, я познакомлю тебя с твоими стражами, – отчеканил демон. – На сей раз без смеха.

Владимир, пошатываясь, пошел за ним. Его взгляд снова скользнул по ногам Виктора. Копыт уже не было. На ногах снова красовались кожаные ботфорты. Исчез и хвост. Они вышли на крыльцо. Виктор залихватски свистнул. И тут же, откуда-то из глубины двора послышался то ли глухой скрежет, то ли хлопанье крыльев...

Владимир остолбенел от страха. К ним бежали странные существа – их было двое. Это были даже не существа, а настоящие чудовища.

– Кто это?! – прокричал Владимир и закрыл лицо руками.

– Не бойся. Это – горгульи, твои стражницы. В нашем мире они исполняют роль цепных псов. Я создал их специально для тебя. Они знают с детства – ты их хозяин, и будут служить долгие годы. Учтя твой нежный нрав, я специально создал самочек. Открой глаза, посмотри, как они рады тебе. Они же – прелесть!

Владимир открыл глаза и опустил руки. Теплые, упругие носы тут же ткнулись в его ладони, длинные, шершавые языки облизали пальцы. Теперь Владимир с опаской рассматривал этих неземных созданий. Одна горгулья была скорее похожа на кошку: та же мягкая шерстка, бело-рыжий окрас и кошачья морда с круглыми красными глазами. От обычной кошки ее отличали большие размеры, свирепый вид и хвост, похожий на тигриный, в темную полоску. На спине красовались крылья. Они были не очень крупные и без шерсти, но тоже с бело-рыжими пятнами на кожистых перепонках.

Другая горгулья казалась почти черной, с белыми пятнами. У этой голова походила на птичью – мощный клюв венчал страшную пасть. Тело черной горгульи покрывали блестящие перья.

Обе свирепые стражницы ластились к ногам Владимира, словно домашние собачонки.

– Да погладь, ты их. Не бойся, не укусят. Они так преданы тебе.

Дрожащая ладонь Владимира опустилась на головы этих странных созданий. Пальцы нерешительно почесали за ушком сначала одну горгулью, а потом другую. Раздался утробный клекот и повизгивания. Два гибких хвоста виляли, словно у собак, приветствуя хозяина, ушки вздрагивали от радости, крылья вздымались и тут же опускались. Горгульи прижимались к его ногам, шумно дышали. Штаны и руки испачкались их горячей слюной.

– Довольно. Кыш. Идите-ка на место, – приказал Виктор, – они будут хорошо охранять тебя и слушаться во всем. Когда услуги их тебе нужны не будут, они превратятся в камень. Ты позовешь их – они снова оживут. Приятные создания. И ни забот и никаких хлопот, и кушать не попросят. Если только сам ты пожелаешь угостить милашек, то с радостью воспримут угощение.

Горгульи, поджав хвосты, немного разочарованно потрусили в глубину двора.

– Ну что же, Вольдемар. На этом мы простимся. Пойди поспи немного. После я приду. И постепенно расскажу о цели пребывания... в аду. Если проснешься раньше, а меня не будет рядом – не теряйся. Сходи, немного прогуляйся. Здесь лес и поле, речка даже есть. Здесь есть соседи – всех не перечесать. Одно прошу

– будь, Вова, осторожней. Здесь доверять не стоит никому. Ну ладно, ты поймешь чуть позже: откуда что, зачем и что к чему, – Виктор еще раз улыбнулся, задрожал и пропал. Только легкая струйка дыма рассеялась в воздухе.

Владимир вернулся в дом. Вокруг была тягостная тишина. «Я до сих пор не могу прийти в себя. Во-первых, я – умер, во-вторых – живой. Живу в аду. Но ад-то не простой... Что дальше ждет меня?» – печалился он.

Он поднялся на второй этаж в спальню. Около стены стоял комод, над ним висело большое зеркало. Владимира тянуло посмотреться в него. Он глянул. Вид в зеркале был обычный, как при жизни, только волосы чуть взлохматились, и взгляд выдавал беспокойство – в глазах поселилась тревога, темные круги на веках говорили о смертельной усталости. «По сути дела, в зеркале моя душа. А тело? И тело вроде прежнее. А могло бы быть другое. Но Виктор, кажется, сказал, чтобы я оставил это. А что? Несмотря на усталость, оно не так уж плохо смотрится. На шее шарф мешает. Надо бы взглянуть на рану, но что-то страшновато». Пальцы потихоньку отогнули край шелкового платка – за ним не было ни крови, ни страшной раны. На месте пореза осталась лишь тонкая, едва заметная полоска. Он снял шелковый платок. Платок упал на пол, немного полежал, а потом превратился в пеструю живую змейку и уполз в щель между стеной и полом. «Вот, бесовщина! Зарезали, а я – живой. И где теперь убийца мой? Ах, Шафак – Шафак, как грустно мне! Я делал все не так», – безрадостные мысли одолевали душу.

Он снова пристально посмотрел в зеркало: отражение вопреки его собственному желанию нахмурилось, злобно посмотрело на хозяина и скорчило противную гримасу. Владимир отпрянул от комода. «Да уж, в этом мире не соскучишься. Захочешь – не дадут!»

Он подошел к кровати, лег, не раздеваясь. Пока подвохов больше не было. Тяжелый сон затуманил голову и смежил усталые веки.

Он так и не понял, сколько времени продолжался этот крепкий сон. Глухой стук заставил пробудиться. Владимир открыл глаза – стук усилился. Было впечатление, что стучат в деревянную дверь. «Черт, как не хочется вставать! Кого это несет ни свет ни заря?» – он повернулся на бок, хмурый, сонный взгляд скользнул по бархатной портьере.

«Где все слуги? Неужели никто не может открыть? – рука пошарила в поисках колокольчика. И тут он все вспомнил. – Господи, я же умер!»

За окном стояла все та же сероватая мгла. «Белые ночи! Прямо, как летом в столице. Как я наслаждался белыми ночами и одновременно ненавидел их! Это было так давно, словно в другой жизни. Дурак! Это и была другая жизнь!» – он горько усмехнулся. – «Зато в этой покоя не дают уже с утра. Полно, а утро ли сейчас?».

Владимир откинул одеяло и сел. Оказалось, он был одет в довольно приличные светло-серые брюки и свежую шелковую сорочку. Ни грязи, ни следов крови не было и в помине. Возле входа в комнату стояла пара добротных яловых сапог.

«Вот бесовщина...» – едва подумал он, как повторный стук заставил его вздрогнуть.

Пришлось обуться и спуститься вниз. Он вышел на крыльцо. Возле крыльца сидели обе горгульи и, злобно рыча, смотрели на ворота. За воротами маячило что-то пестрое.

– Месье Махнев, откройте. Это я, ваша соседка, – прозвучал приятный женский голосок, – отгоните стражников. Я их боюсь.

«Я их и сам боюсь», – прошептал Владимир, а вслух крикнул:

– Да, да, конечно. Я сейчас открою!

«Как мне отогнать горгулий? Интересно: у них есть имена?» – озадачился Владимир.

– Стражники мои, кис-кис. На место, – неубедительно промямлил он.

На удивление: обе горгульи тут же перестали рычать. Преданные и любящие глаза уставились на незадачливого хозяина, хвосты виляли от радости, словно запусченные метрономы.

– Спасибо, девочки, за охрану. Киски, идите пока к себе. Я позже вас позову.

«Киски» радостно потрусили вглубь двора. Калитка распахнулась, а на пороге появилась дама. Трудно было определить ее возраст. Вначале показалось – ей лет двадцать. Потом, когда она приблизилась, он подумал, что ей должно быть около тридцати. Она была очень недурна собой. Плотный корсет шелкового платья цвета берилла хорошо подчеркивал стройную фигуру. Французский кипенно-белый гипюр обрамлял глубокое декольте, открывающее волнующий, пышный бюст. Из-под милой летней бланжевой шляпки мягкими локонами спускались каштановые волосы. Бисквитный парасоль, кружевные перчатки, тонкий носик, нежный овал лица и темные распахнутые глаза – все это чертовски понравилось Владимиру. Он даже немного растерялся, увидев на пороге своего «адского дома» столь прелестное создание. «Ба, а здесь вовсе не так плохо, как могло бы быть», – подивился он. А милая дамочка лучезарно улыбнулась.

– Позвольте войти, месье Махнев?

– Да, да, конечно. Милости прошу, мадмуазель... – он запнулся.

– Вольдемар, я давно не мадмуазель, а мадам. И зовут меня Полин Лагранж. Я русская, но мой последний муж был французом. Отсюда и фамилия – Лагранж. Ах, как я рада нашей встрече. Я ваша ближайшая соседка и довольно наслышана о многочисленных достоинствах хозяина этого дома, – она кокетливо протянула ручку для поцелуя, длинные ресницы вздрогнули, томный взгляд карих глаз скользнул по лицу Владимира.

– Я тоже очень рад знакомству. Милости прошу ко мне в дом, – молвил он и галантно поцеловал тонкую кисть, облаченную в кремовую кружевную перчатку. Пахло вербеной, пудрой и еще чем-то неуловимым.

«Однако какая женщина, и взгляд-то какой», – сердце забило еще сильнее в предвкушении близкого знакомства. Она впорхнула на крыльцо, изящно приподняв край пышной юбки – обнажилась узкая ножка, одетая в светлую

бархатную туфельку на высоком каблучке.

«Какая маленькая ножка... Я точно сегодня овладею ей, – смело решил Владимир и сам поразился своей наглости. – Хорош гусь! Не успел умереть, как снова ХОЧУ! Эти бабы точно сведут меня с ума. Даже здесь от них нет покоя».

– О, у вас так мило! – гостя все также улыбалась, поигрывая сложенным зонтиком.

Она вышла на середину комнаты и, водрузив парасоль в виде тросточки, кокетливо обошла вокруг. Эти хитроумные реверансы позволили Владимиру хорошенько разглядеть ее тонкую талию и аппетитные, крутые бедра. Полин остановилась, вздернула носик, любопытный взгляд прошелся по внутреннему убранству дома. – Вольдемар, я сужу по этому дому, что в прошлой жизни вы жили весьма недурно и имели изысканный вкус. Виктор, наш общий знакомый, как правило, обустривает жилища своих подопечных согласно вкусам последних, либо учитывая их пожелания. Надеюсь, что когда-нибудь я увижу вас и у себя, в моем скромном особняке.

– Проходите, Полин. Чувствуйте себя, как дома.

– Как вам спалось?

– Да как сказать? Спал я крепко, но так и не понял: какое время суток проспал. Ни аглицких консольных часов, ни брегетов[17 - Брекет – карманные часы большой точности. Название произошло от названия выпускавшей их французской фирмы «Брекет». Они напоминали о времени боем.], ни даже шварцвальдиков[18 - Шварцвальдики – настенные часы. Шварцвальд – одна из областей Южной Германии. Символом Шварцвальда стали настенные ходики с ярко раскрашенной циферблатной плитой (их любовно называли "шварцвальдики"). Такие часы были надежными и дешевыми, пользовались популярностью в России в середине 19 века. (Примеч. автора)] с кукушкой я здесь не заметил. Проснулся, а за окном все тот же серый день, похожий на петербургскую белую ночь.

– Мой дорогой, часов вы здесь и не увидите. Главные ЧАСЫ находятся у Виктора. У этих часов два круга. Один отмеряет внутреннее время. О нем не положено знать местным обывателям. Внутреннее время течет неодинаково, хаотично,

вернее так, как этого пожелает Магистр. И поэтому, мы никогда не знаем, сколько продлится этот унылый серый день. Вы так метко его охарактеризовали: петербургская белая ночь. И между тем это – местный день. А бывает, что среди дня вдруг надвигаются густые сумерки. Наступает ночь. Она тоже длится очень долго – заснешь, долго проспешь, откроешь глаза – а на дворе все та же угольная чернота. От этой путаницы голова идет кругом. Знаете, у меня первое время были жуткие мигрени. А главное: среди кромешной тьмы на небе висит эта чертова луна. Цвет ее – чаще красный, реже желтый так зловещ, что я стараюсь во время длительной ночи даже на улицу меньше ходить, – лицо Полин немного погрузтело. – Другой круг, а вернее круги этих часов – это время каждого из нас. Причем идут они для каждого по-разному. У кого-то бегут, словно сумасшедшие, принося морщины и седые волосы, у кого-то идут вспять, а у некоторых, – она понизила голос, – например, у господина Горохова, они и вовсе почему-то стоят.

– Да уж, Виктор верно говорил, что здесь все непредсказуемо.

– Виктор всегда знает, о чем говорит. Непредсказуемо – это еще мягко сказано. Не забывайте, вы не в раю, и не в божьем мире. А время... Вы даже не представляете, как его хаос может извести любого. О, эта мука не так уж и безвинна. Магистр заключил сделку с Хроносом[19 - Хронос (др. греч. ??????), «время») – божество в древнегреческой мифологии и теокосмогонии, управляющее временем.]. В собственном царстве он сам судья и властитель каждой секунды. Он сам запускает и останавливает весь механизм, сам открывает и сворачивает пространство. Мы – лишь жалкие его рабы, и не нашим грешным душам трепетать в ожидании утра, – Полин попыталась улыбнуться, но ее улыбка вышла отчего-то слишком натянутой и жалкой. – Вольдемар, вы уже фрыштикали[20 - Фрыштикаль или фриштикаль – завтракать; «фриштик» – завтрак. Произошло от немецкого «fr?hst?ck» – завтрак, закуска. «Петербургский русский никогда не употребляет слово: "завтрак", а всегда говорит «фрыштик», особенно напирая на звук «фры» – Достоевский Ф. М.]? – вдруг нарочито бодро спросила она, решив сменить тон и тему разговора.

– Нет, не успел. Видите ли, я только проснулся и к тому же, готов признаться: не совсем еще привык к новой жизни.

– О, я уверяю: вы привыкните. Хотя признаюсь честно, – она перешла на шепот, – я тут давно, однако ко многому, – она протяжно вздохнула, – ко многому я до сих пор привыкнуть, ну никак не могу.

– Ладно, Полин, нам не стоит грустить. Я думаю: не так-то все и плохо. Увидев вас, я воспарил духом. Раз здесь живут такие красавицы, значит для меня не все потеряно.

– Спасибо, месье Махнев. Вы так любезны, – ее лицо немного оживилось, а щечки порозовели от легкого смущения, – а давайте вместе пофрыштикаем.

– Давайте, – выпалил он радостно. Спустя мгновение его взгляд стал несколько растерян. – Наш общий знакомый объяснил мне вчера, что еду я должен заказывать усилием воли. Все это замечательно. Но черт его знает, если честно, я еще не пробовал, как это делается.

– Я подскажу вам, мой друг. Вы должны мысленно представить то блюдо, кое желаете увидеть на своем столе. Чем четче будет заказ, тем больше это блюдо будет соответствовать вашим вкусовым предпочтениям, – Полин лукаво улыбнулась, – правда, вначале у многих совсем не получается сие кулинарное действие. Здесь нужна небольшая практика. Вольдемар, вы очень талантливы, и ваше воображение развито намного лучше, чем у многих смертных, а потому с легкостью справитесь с задачей. Итак, напрягите внутреннее зрение, сделайте заказ, щелкните пальцем – и мы приступим к фрыштику.

«Легко сказать», – раздумывал он, волнуясь.

Махнев подошел к широкому столу, зажмурил глаза, в воздухе прозвучал сухой щелчок. Послышался удар тарелки об стол, затем что-то чавкнуло, булькнуло и шумно плюхнулось, фонтан мокрых брызг окатил лицо и руки. Он открыл глаза: Полин лежала на другом краю стола, ее тело дрожало от смеха. То, что появилось на столе, произвело странное впечатление на Владимира: на плоской деревянной тарелке красовалось бесформенное, желеобразное месиво подозрительного бурого цвета, источавшее запах болотной тины. Оно не просто лежало, оно дышало, колыхалось и булькало. Множественные пузырьки вздувались по его поверхности, лопались, выпуская пары серного газа. Вместо ложки и вилки рядом с блюдом валялись обглоданные кости какого-то животного. Стояли тут и чашки, наполненные вонючей коричневатой жижей.

– Вольдемар, позвольте узнать, а что вы заказали? – еле проговорила Полин, давась новыми приступами смеха.

– Я заказал яблочный пудинг со сливками, булочки с ванилью и кофе, – обескуражено обронил он.

– Не переживайте. Сейчас все исправим. Я же говорила: здесь нужна практика, – она едва справилась со смехом.

Гостя решительно встала, раздался негромкий щелчок, и все жуткое безобразия, сотворенное Владимиром, вмиг исчезло. На столе появилась белая, крахмальная скатерть, две фарфоровые тарелки с горячим яблочным пудингом, серебряные вилки, ложки, ножи. Рядом стояла ваза с фруктами: яблоками, персиками, виноградом. Свежая сдоба издавала легкий аромат ванили. В масленке плавилось желтое масло. Серебряный сливочник был до краев наполнен тугими матовыми сливками. Легкий дымок от кофе врезался в ноздри, вызывая зверский аппетит.

– Мой друг, давайте, наконец завтракать, – произнесла Полин уже без смеха. Она нежно улыбалась, глядя на Владимира.

– Милая Полин, и что бы я без вас делал!

– О, это – пустяки. Для меня это – сущее удовольствие – накормить такого прекрасного мужчину, как вы. Если пожелаете, я буду все время вам готовить.

– Спасибо, Полин. Мне, право, неловко вас так обременять. Но я с удовольствием подумаю над вашим предложением, – он пылко и многозначительно посмотрел на даму.

Они приступили к фриштику. Махнев готов был признаться, что вся еда была вкусной, свежей и к тому же очень аппетитной. Он ел сладкий пудинг, смакуя хрустящую корочку, политую свежими сливками, и запивал его черным кофе. После еще одного, довольно мягкого щелчка появилась бутылка соломенной мадеры. Полин наполнила хрустальные бокалы и, глядя бархатными глазами, протянула один Махневу.

– Давайте, Вольдемар, выпьем за наше знакомство. Я несказанно рада, что вы наконец появились здесь. Думаю, со временем мы узнаем друг друга ближе...

«Какого черта со временем? Я уже сейчас ее хочу, – размышлял он, пьянея, – странно, я и здесь не перестаю ощущать знакомое чувство вожделения. Мне кажется, оно даже сильнее, чем при жизни. Чресла горят огнем так, словно я был в далеком походе и не видел баб, по меньшей мере, полгода».

Владимир скосил глаза на брюки – они вздыбились между ног, оттопыривая шерстяную ткань.

«Хорошо, что Шафак ЕГО от злости не отрезал. Хотя, горло-то затянулось, значит и ОН бы заново вырос. А вдруг бы не вырос? А вдруг бы новый был меньше и хуже? Нет, со своим – оно спокойней как-то».

Полин перехватила его взгляд и покосилась на оттопыренную ткань. Плотовская, блудливая улыбка пробежала по полным губам, открытая грудь задышала чуть сильнее. Было видно, что ей безумно хочется близости красивого соседа. Она решила немного оттянуть восхитительный миг, а потому резко встала. Поигрывая бедрами, прошлась по комнате. Карие глаза внимательно рассматривали старинные картины, нежная ручка, облаченная в кружевную перчатку, не выпускала бокал светлого вина. Она то и дело подносила его к губам, делала несколько глотков и снова нарочито внимательно рассматривала художественные полотна.

«А эта красотка – не промах. Вон, как бедрами виляет. И провалиться мне на этом месте, если я сейчас ей не вдую, как следует. Хочу, чтобы эта кареглазая кошка застонала подо мной, как стонали все мои любовницы», – строил планы Владимир, зверея от страсти.

Он встал и, подойдя к ней, обнял сзади: сильные руки почти сжали тонкий стан, упругий гость решительно потерся о бедра. Она повернула лицо, легкий поцелуй холодных и пряных от вина губ, заставил вздрогнуть.

– Володя, не торопитесь. Давайте присядем. Вы совсем меня не знаете... – пролепетала она нерешительно. Её дыхание участилось, бессмысленный, затуманенный взгляд уставился на то место, где упруго дыбился внушительного вида фаллос. Было заметно, что она едва владеет собой от страшного вожделения.

– Для того чтобы влюбиться в женщину, совсем не обязательно знать все ее тайны. Напротив, флер таинственности несет в себе массу удовольствия. Разгадывая загадки, ты постепенно раздеваешь женщину, снимая с нее по очереди все детали туалета. Женщина без тайны – голая женщина, которая стоит на торговой площади на общем обозрении. Такую вряд ли будешь вожделеть, – промолвил Владимир, заглядывая в ее глаза. Он намеревался взять Полин на руки и отнести в спальню.

Кружевные ладошки ловко перехватили протянутые руки, Полин увернулась и отскочила в сторону.

– Вольдемар, видите ли, здесь так не принято. Я обязана рассказать вам, почему я сюда попала. Это... это условие Магистра. И если у вас после моего рассказа останется еще желание близости, то я буду очень счастлива.

– Полин, излишняя демагогия и словесные прения вызывают лишь изжогу, а не вожделение.

– И, тем не менее, я – обязана. Так вот: я здесь потому, что на «Том свете» у меня было... восемь мужей. Многих это удивляет: отчего так много?

– Да уж, – Владимир усмехнулся, – Полин, вы содержали мужской гарем?

– Нет, – ответила она и покраснела. – Вольдемар, как вам это в голову могло прийти? Я же не султанша. Я – русская и жила преимущественно в России. Просто... мои мужья умирали один за другим.

– Как? Все восемь? У вас была эпидемия?

– Я – «черная вдова». Мне приходится быть откровенной. Сразу после женитьбы каждый из них начинал чахнуть и постепенно умирал, – она жеманно всхлипнула.

– Не понял, вы их голодом морили?

– Нет, я их... любила слишком часто и истово. Они не выдерживали силы моей страсти. Виктор сказал, что у меня темперамент Мессалины.

Махнев от души расхохотался.

– Да уж, вы меня позабавили. Как жалко, Полин, что мы с вами не встретились раньше, и наши судьбы не пересеклись. Я уверяю, меня бы вы не измотали любовной скачкой. Ваши несчастные мужья, очевидно, были слабаками.

– Не все из них были хрупкого телосложения. Скорее – наоборот. А с вами, Вольдемар, мы никак бы не смогли встретиться в последней жизни. Дело в том, что я вас... намного старше.

– Полин, вы ждете от меня комплиментов? Я вам их скажу. Вы – просто красавица. Вы – юны, хороши и свежи, словно садовый персик.

Она легко улыбнулась и кокетливо вздохнула.

– И это еще не все.

– Ну, что еще? Чем вы еще хотите меня напугать? – Владимир дурашливо округлил глаза.

– Я обязана. Таков уговор. Кроме мужей, у меня было много любовников.

– Отлично! Сие обстоятельство прибавляет вам больше цены! Еще чем удивите?

– Кроме любовников... я бегала к гусарам. Я занималась любовью со многими... одновременно.

– Да?? А отчего вы так краснеете? От ваших откровений мой жеребец скоро прорвет ткань крепких штанов. Дерзну угадать: вы любили содомию?

– Да, и это тоже, – она опустила длинные ресницы и задышала еще чаще.

– Жалко, что со мной нет верного друга – моего приказчика. Вдвоем мы бы вполне удовлетворили все ваши изыски. Вы бы еще пощады запросили... Полин, признайтесь, – Владимир подошел ближе. – Смею надеяться, вы любили «двойное вторжение» двух очень внушительных орудий?

Щечки Полин заалели густым румянцем. Она не ответила Владимиру, а только судорожно сглотнула, густые ресницы дрогнули в ответ на дерзкий вопрос.

- Хватит рассуждений. Пойдем наверх, в спальню.

- Нет, стойте... А вдруг я разочарую вас? Вдруг я не та, за кого себя выдаю? Порой страсть отнимает разум, - глаза Полин потемнели.

- Только не у меня, - с жаром ответил Махнев. - Такая красавица не может разочаровать, - он протянул руки.

- Стойте. Скажите, хоть пару слов о себе.

- Вы же сами говорили, что наслышаны о моих достоинствах.

- И все же...

- Всех моих грехов не перечесать. Грешить я начал лет с... двенадцати. Не сосчитать всех девушек, которых я лишил невинности, не сосчитать всех женщин, которых обманул. Курил я много опия, устраивал оргии. А в конце своей короткой, но такой насыщенной удовольствиями жизни я испробовал любовь мужчины. Правда, он был - кастрат, и он меня убил в итоге.

- Как кастрат? Он был без пениса? - глаза Полин округлились от удивления.

- Полин, ну почему эти детали так волнуют вас, женщин? Одна моя знакомая, ее зовут Мари, уже спрашивала у меня нечто подобное, - усмехнулся Владимир.

- И что вы ей ответили?

- Я ответил ей, что у кастрата был пенис. У него не хватало тестикул. Их отсекли в детстве, ради сохранения певческого голоса.

- Какое варварство!

– Согласен. Но это – обычная практика. Смею сказать, что в Италии многие родители ведут своих отпрысков мужского пола на подобную процедуру добровольно, в надежде, что их любимое чадо возьмут в церковный хор или оперу. И далеко не из каждого кандидата получается отменный исполнитель сопрано или альт. О, злобные компрачикосы[21 - Компрачикосы – это преступные сообщества в Западной Европе занимавшиеся в 13–17 веках похищением и куплей-продажей детей, которых превращали в физических уродов и затем продавали в качестве шутов, акробатов и т. п. Очень часто именно компрачикосы и производили операции на гениталиях и кастрацию детей. Гаремы и Сикстинская капелла были потребителями одной и той же разновидности увечий: полных кастратов, либо частичных, с повреждениями гениталий. Считается, что в Западной Европе именно от компрачикосов пошло «ремесло» по перекраиванию половых органов на свой, извращенный манер. (Примеч. автора)] сегодняшних дней! Представьте, Полин, какая циничная усмешка судьбы: тебе отсекли яйца, а певцом Miserere Allegri ты так и не стал!

– Да уж. Хуже и быть не может.

– Может! Поверьте, может. Многим евнухам в сералях отсекают весь мужской арсенал совершенно, так сказать, под корень.

– О, ужас! А как же они... писают?

– Это – сложная процедура. Я не буду сейчас рассказывать слишком подробно об ее этапах. Когда я был в Турции, то мне однажды показали гениталии полного скопца. Он был темнокожий. Так вот, Полин, представьте живот обычного мужчины. Хотя, необычного, ибо скопцы полнеют подобно дамам в возрасте, у некоторых отвисает грудь. Но суть не в этом. Вы смотрите в область пупка, взгляд скользит ниже и... о, ужас! Там, где обычно находится пенис, нет вообще ничего!

– То есть совсем ничего? Что-то же должно остаться? Он же должен как-то мочиться?

– Ничего... Только кустик жалких волос и пухлый лобок, похожий на женский.

– Он что, совсем не писает?

– Я уже говорил, что сия операция очень сложна, и выживает после нее лишь треть пациентов. Так вот, сразу после отсечения гениталий несчастному вставляют в мочеточник серебряную трубку, гусиное перо или оловянный гвоздик со шляпкой и не дают пить несколько дней. Если спустя какое-то время скопец сумеет помочиться через оные приспособления, значит, он останется жив, а если нет, то судьба его решена – он умрет в страшных муках. Кстати, темнокожие кастраты выживают чаще, чем европейцы после подобной экзекуции. Один знакомый турок Мехмед – эфенди рассказывал мне, что оскопленные белые пленники раньше гибли сотнями. Вот почему в гаремах больше темнокожих евнухов. А европейцам чаще делали частичное оскотление... Кому-то отсекали одни тестикулы, а кому-то, что намного хуже – отсекали пенис, либо его часть.

Что, к слову, не всегда являло собой более гуманный исход. Многие из несчастных, подвергшиеся этой ужаснейшей операции в зрелом возрасте, не утрачивали плотской тяги. Ужаснейшей тяги... И она подчас была столь мучительна, что кастраты добровольно прощались с жизнью, лишь бы избавиться от огненного вожделения. В этом смысле более гуманна сия операция в очень юном возрасте, почти в детстве, до момента созревания плоти... Хотя мне, просвещенному европейцу, все эти обычаи кажутся настолько варварскими, что само понятие «гуманности» здесь выглядит абсурдно. – Владимир помолчал, взгляд серых глаз немного погрузнел. – Таким образом, надеюсь, я удовлетворил ваше, Полин, любопытство. Но, судя по лукавству, таящемуся в ваших прекрасных глазах, вы знали это все и без меня... А может, и лучше меня.

– Да, я очень любопытна. А потом, не знаю, отчего, но меня сильно заводят подобные разговоры. Подавление желаний плоти. Не в этом ли боль и изысканная сладость? – глаза Полин потемнели. – Вы не обмолвились ни единым словом о... женской кастрации.

– О нет, Полин, тут я пас! Я, конечно же, слышал об этом и не раз и знаю, что таковая существует особенно в странах Африки и Азии. Там есть мнение о том, что женщина должна быть лишена всяческой природной страсти. Что она должна служить лишь инструментом для проявления животной похоти своего супруга и сосудом для вынашивания плода. Там некоторым женщинам еще в детстве отсекают клитор, дабы они не получали полного удовольствия от любовного соития.

– Какой ужас! – пролепетала Полин.

– На мой взгляд, это – также гнусное изуверство... А есть даже такие страны, где местные эскулапы берут на себя полномочия перекроить половые органы женщины на свой извращенный манер. Их не устраивает то, что сотворил Создатель. У них, видите ли, на сей счет свои взгляды. Они отсекают девочкам не только клитор, но и половые губы и зашивают все так, что на месте прекрасной раковины появляется пустое гладкое место. Что может быть нелепее? Еще страшнее, когда этой операции подвергаются взрослые женщины – рабыни, попавшие в плен, и определенные в гарем к одному из местных царьков.

– Какое издевательство! Если женщина уже знает, что есть наивысшее блаженство, и с лепестками ее плоти уже играли и не раз, то, каково ей всего этого лишиться?

– И здесь известны случаи, когда оскотенные наложницы лишали себя жизни. Иногда природа и голос страсти стоят выше человеческого разума... Полин, давайте сменим тему. Что касается меня, то одним из высших удовольствий я нахожу лицезрение распахнутой и возбужденной женской плоти. Вид устрично-розовой, чуть припухшей вульвы, истекающей соком, не может оставить равнодушным любого нормального мужчину.

– Нормального, да... – игриво отозвалась Полин. – Но мы немного отвлеклись. Владимир, вы так и не были со мной откровенны до конца.

– Почему?

– Вы не сказали о своем экзотическом любовнике самого главного.

– Ну, и?

– Я хотела знать: какими размерами был его пенис? Испытывал ли он удовольствие посредством его? И употреблял ли он его по отношению к вам, Вольдемар, в активной роли? – Полин еще больше покраснела и отвела в сторону, затуманенный страстью, взгляд.

– Ах, как вы несносны в своей пытливости, любопытнейшая из женщин! С чего вы взяли, что я буду с вами столь откровенен? – Владимир приподнял бровь и с вызовом посмотрел на Полин.

– С того, что в этом нет ничего предосудительного. Вы, верно, забыли, мой друг, что находитесь не в божьем мире на рауте у Дубоносовых или Виноградовых, а в Преисподней. А вернее, в той ее части, где живут и получают наказание самые злостные любодей. Владимир, вы – один из нас, и я не вижу причины скрывать пикантные подробности ваших грехов. Запомните, здесь этого не любят... – В глазах Полин сверкнул какой-то красный огонек.

«А она не простая женщина», – заподозрил Владимир, но вслух произнес:

– Ну что же, если вы настаиваете, то я отвечу: у моего любовника был не очень большой пенис. Скорее, его можно назвать небольшим, особенно в обхвате. Да, он получал оргазм посредством его... Хотя, еще больше он испытывал удовольствие от другого... А вот, насчет себя я отвечать не буду. По крайней мере, вам Полин... Я испытал в жизни массу наслаждений, не пренебрегая разными эмпирическими методами. Заметьте, эмпирическими, потому, что мне до сих пор по душе быть именно самцом, доминировать, покрывать. Надеюсь теперь, вы поняли меня?

– О, да! И я скажу вам, это – такой плюс для вас, Владимир, – она хохотнула. – Поверьте, хорошие самцы в цене даже в преисподней. Здесь, к сожалению, столько мужчин, по сути, напоминающих вашего любовника Шафака.

Владимир вздрогнул, услышав знакомое имя.

– О Полин, вам даже имя моего убийцы известно?

– Мне известно многое. И даже то, что вы пытались скрыть... Но не будем об этом. Я вижу, вы до сих пор страдаете, Владимир, из-за коварства молодого турчонка.

– Не то, чтобы страдаю. Я досаую слегка, переживаю за собственное легкомыслие. Не будь я столь самонадеян, то попал бы сюда намного позже... Ладно, давайте не будем о грустном. Полин, вам достаточно откровений? Женщины уделяют столько внимания всяческим условностям. Еще четверть часа

подобных разговоров, и мой жеребец так застоится в стойле, что заболает. Довольно!

Он подхватил гостью на руки и понес в спальню. Она не сопротивлялась. Наоборот – изящная ручка крепко обвила его шею, карие глаза томно закрылись, дыхание участилось.

Через минуту прелестница наконец-то оказалась на широкой кровати, а наш герой принялся торопливо развязывать ленты, расстегивать крючки на корсете, стягивать чулочки. Потянул с руки перчатку. Она не дала ее снять.

– Не надо, Вольдемар. Сие – моя причуда. Перчаток не снимайте. Пусть на мне останутся хоть эти лоскутки кружева.

Владимир раздевал Полин, все более зверея от страсти. Ее тело выглядело столь аппетитным: большая, упругая грудь, тонкая талия, длинные стройные ножки. Каштановые волосы щедро рассыпались по подушке. Она хитро улыбнулась и перевернулась на живот, предоставив благодарному зрителю крупные розоватые ягодицы. Узкая спина прогнулась, оттопырив круглый зад. Губы Владимира потянулись к тугим и одновременно нежным полусферам. Несколько поцелуев заставили Полин вздрогнуть. Она возбужденно застонала, роскошный зад поступательно задвигался навстречу. Владимир проник пальцами в сжатую щель. Там было многообещающе влажно. Пальцы почувствовали оба сочные и готовые к соитию отверстия. Задняя вишневая дырочка так и дразнила решительного гостя – она дрожала от вожделения.

– Ах Полин, как вы горячи... – прошептал он. – А ваша роскошная раковина струится соком. Идите ко мне поближе, я приласкаю ваш трепетный бутончик.

Его рука протянулась к возбужденному лону, указательный палец лег на выпуклую горошину, запрятанную в устье розоватых губок. Полин застонала еще громче.

– Да еще, пожалуйста, еще... Поцелуй меня туда... Какое счастье, что у меня в отличие от рабынь из Африки, есть клитор... – молвила она, задыхаясь.

Фаллос стоял сверх меры. Он перевернул Полин на спину. Руки решительно раздвинули стройные ноги женщины. Распахнутое лоно выглядело столь

притягательным, что он согнулся и припал языком к розовой сочной плоти. Язык почувствовал, как скользкие и мягкие лепестки, сшибающие ароматом возбужденной до предела самки, становятся более упругими и распухшими. Полин извивалась и стонала от удовольствия, она двигалась навстречу изысканным и смелым ласкам. Ее роскошный зад танцевал так, словно хотел подсказать любовнику правильный путь. Владимир откликнулся на ее страстные призывы, язык и губы рисовали витиеватый узор, тот узор, который мнился распаленной до предела Полин. Он почувствовал, что женщина вот-вот разрядится бурным оргазмом.

«Ну нет, моя крошка, так не пойдет. Ты кончишь не ранее, как я загоню в тебя своего главного друга», – решил он и отстранил губы от жадного до ласк зева. Полин охнула.

– Владимир, я изнемогаю... Возьми меня целиком. Войди в меня скорее! – едва выдохнула она и поддалась навстречу.

Он вошел в нее медленно, распаяя желание так, что она застонала от страсти.

«Ну вот, теперь ты будешь кончать... А твою заднюю подружку я оставляю на десерт». Их любовный танец продолжался довольно долго. Он стонал от удовольствия. Полин была слишком аппетитна. Она извивалась от страсти, ровные зубки покусывали нижнюю губу, кружевные пальчики теребили торчащие соски. Он вгонял фаллос во всю исполинскую длину, ощущая горячий жар узкой, почти девичьей вагины.

«А какова детка! Её дырочка так узка, словно у нее и не было восьмерых мужей и сотни любовников. Неужто не разъебли? Странно... Ну, ничего, уж я-то исправлю сие упущение, – подумал он и раздвинул еще шире ее стройные ноги. – погоди, ты у меня еще ходить не сможешь... А уж как я раскурочу твою сладкую попку, – ему казалось, он сходит с ума от страсти».

Сначала Махнев не понял, в чем дело... Он решил: ему мерещится. Дело в том, что с каждым ударом фаллоса – происходили довольно странные метаморфозы с его партнершей. Полин менялась на глазах. Сначала она чуть похудела, роскошное тело уменьшилось в объеме, словно опало. После его цвет из молочного, приобрел другой оттенок – бледно-желтый. Шея, грудь, полные плечи и руки покрылись темными пятнами. Белая упругая кожа странно

сморщилась и стала походить на старый пергамент. Налитые шарики груди сдулись и повисли жалкими пустыми мешочками.

Он присмотрелся к лицу. О, ужас! Он занимался любовью вовсе не с молодой красоткой. Это была все та же Полин, но лицо ее отчего-то стремительно менялось: черты стали резче, крупнее, щеки опустились, лучики морщин беспощадными лезвиями прорезали нежную кожу вокруг глаз, взгляд потускнел, седые пряди жемчужными струйками растеклись по каштановым локонам. Она мгновенно постарела! Он спал с женщиной, которой было далеко за шестьдесят.

Как только он осознал это, то захотел соскочить с Полин. Но не тут-то было. Её жадное устье еще сильнее обхватило фаллос. Казалось, его втянули в жесткую «сосущую воронку». И эта воронка ухватила член, словно зубастый стальной капкан. «Наверное, то же самое испытывают кобели, когда «сучий замок» захлопывает в себе орудие животной страсти», – лихорадочно подумал он. Между тем Полин все более входила в раж, тело сотрясалось от множественных оргазмов. Владимир зажмурил глаза. Он боялся их открыть. Но когда открыл, то чуть не лишился чувств: перед ним оказалось лицо очень старой женщины. Пожалуй, он не встречал при жизни таких древних старух – желтое морщинистое тело, высохшая грудь, тонкие седые волосы, крючковатый нос, впалые глазницы и беззубый рот. Крик ужаса вырвался из груди Владимира, одновременно с ним он испытал сильнейший оргазм. Да, это был именно оргазм, выплеснувший из него огромное количество семени, скрутивший судорогами все тело, опустошающий наслаждением столь острым, что он на мгновение потерял сознание. А когда пришел в себя, то вместе с удовольствием он почувствовал ноющую боль в паху, отвращение и липкий страх.

Старуха улыбнулась беззубым ртом и кокетливо повернулась на бок. Худое, скелетообразное бедро, покрытое желтой морщинистой кожей, скрюченная ладонь, облаченная в кружевную перчатку, горбатая спина с грядой неподвижных острых позвонков – все это жуткое «великолепие смерти» заставило Владимира отвести глаза. Он лежал на спине и не знал, что делать дальше. Пахло тленом и плесенью. «Вот так сюрприз! Любовь со старухой. Да, этот мир, пожалуй, не только не предсказуем. Он еще и сверх меры коварен! Смогу ли я вообще теперь любовью заниматься после этого случая?» – лихорадочно размышлял он.

Взгляд скользнул по стене, на которой висели портреты. Среди них он увидел совсем живое лицо Виктора. Магистр на портрете скроил сочувствующую

grimасу: тонкие брови приподнялись, взгляд погрузнел, уголки губ скорбно опустились. Он протяжно вздохнул.

«Надо же, сочувствует он! Нет, чтобы предупредить меня по поводу этой мадам! А еще наставник называется, – обиженно рассуждал Владимир. – Неужели ему доставило удовольствие лицезреть мои барахтанья со старухой? Хотя, вначале она казалась такой молодой и хорошенькой. Черт знает, что!»

Выражение лица Виктора на портрете из сочувствующего перешло в хитрое. Демон шутовски ехидно посмеивался и потирал изящные ладони.

«Вот гад! Еще смеется! А чего я, собственно, разлегся? – опомнился Владимир, – надо встать и распрощаться с мадам Лагранж».

– Володенька, – раздался скрипучий голос, – мне было так с вами хорошо. У вас такой славный жеребчик. Я таких еще не встречала. Я хотела бы продолжить наши игры. Моя «задняя подружка» вся в томлении. Она ни за что не откажется от знакомства с вашим красавцем.

– Мадам Лагранж, видите ли, я вспомнил: мне срочно надо идти... по делам. Возможно, чуть позднее я познакомлюсь со всеми вашими «подружками»... Однако не сейчас. Я сильно спешу. Я пришлю нарочного, когда смогу с вами вновь увидеться.

Полин вздрогнула, ее высохшая рука затряслась от волнения, она нащупала простынь и прикрыла жуткую наготу. Она медленно встала и, стараясь не смотреть на Махнева, побрела шаркающей походкой к зеркалу. Глянув на свое отражение, Полин подняла глаза на портрет Виктора.

– Вам верно смешно, Магистр? Я чувствую ваше удовольствие. Вы сняли с меня «покров» раньше, чем оно требовалось. Стыдить вас за жестокость, увы – глупо, а главное – бессмысленно! – горько молвила Полин скрипучим старческим голосом. Что ж, *finita la commedia!* Я удаляюсь. Занавес!

Она долго искала свои вещи, вяло перебирая юбки, корсет, чулки. Ей было тяжело одеваться: морщинистые, дряблые руки дрожали; мутные, подслеповатые глаза слезились; спина плохо сгибалась. Заколов седые тирбушоны[22 - Тирбушоны – прядь волос, завитая в локон. От французского

«tire-bouchon».] Полин надела шляпку и опустила на лицо густую вуаль из алансонского гипюра. Владимир тоже наскоро оделся. Они спустились вниз. Полин шла медленно, с трудом передвигая старческие тяжелые ноги, Махнев конфузливо волочился следом. На пороге она остановилась и, не поворачивая лица, произнесла:

– До свидания, Вольдемар! Рада была нашему знакомству. На прощание один момент: не обольщайтесь сильно, дорогой. Я говорила вам – здесь время у каждого бежит по-своему. И неизвестно, какую пакость на сей раз придумает наш общий друг. Не исключено, что и вы через год превратитесь в дряхлого старика, либо в прыщавого юношу. Не думаю, что предстоящие метаморфозы вас порадуют. А теперь, прощайте! Будет время – заходите. Мой дом стоит через два от вашего, с левой стороны. Я буду очень рада...

Она тихонько спустилась по ступенькам крыльца, ее сгорбленная спина, облаченная в нелепое, не по возрасту светлое платье, трясущаяся голова, покрытая вуалью, вскоре скрылись за воротами и пропали из виду.

«Ну, что за чертовщина! Такая женщина и такой страшный удел! Хотя, отчего меня заботит ее судьба? Возможно, и я очень скоро буду сухари в чае мочить, – удрученно размышлял Владимир. – Кстати, о сухарях! Надо посмотреть: может, что-нибудь осталось от нашей трапезы? Я, кажется, сильно проголодался. Эта дама, похоже, высосала из меня много сил. Неудивительно, что все ее мужья постепенно загнулись».

Он вошел в дом и отправился напрямик в столовую. Взгляд упал на обеденный стол. О, ужас! На белой крахмальной скатерти все так же стояли тарелки и бокалы. Но что творилось с остатками еды? Куски пудинга почернели, зеленая плесень покрывала их со всех боков, фрукты сморщились и засохли, сливочник был пуст – на его дне тоже красовалась бурая мохнатая поросль. Мало того – все это немного подрагивало и дышало. Он подошел еще ближе – тошнота стремительно подкатилась к горлу. Меж остатков пищи копошились... белые черви!

«Да это же, черт знает что! Чем я позавтракал час тому назад?» – думал он с отвращением.

Владимир схватил белую скатерть с остатками странной еды, свернул ее узлом и бросил в угол.

«Который сейчас час? И что мне дальше делать? И как еды нормальной раздобыть? – он нервно ходил по комнате. – А что, если снова попробовать заказать фрыштик? Закажу-ка, я хлебный каравай, масло и чашку чая. Может, получится? Это – ведь такая малость».

Владимир остановился. Попытался сосредоточиться на хлебном каравае и кружочке масла. Щелкнул пальцами. Он ждал какой-нибудь пакости: стука, брызг и вони. Однако ничего неприятного не случилось. Он открыл глаза: как ни странно, на столе стояла довольно симпатичная чашечка с чаем – белая с синими цветами; от нее исходил настоящий чайный аромат! Но то, что было рядом с чашкой, повергло Владимира в уныние. Вместо пышного каравая и масла, на столе одиноко лежал маленький серый сухарик.

«Какое щедрое угощение! Демоны читают все мои мысли. Упомянул сухари в чае – пожалуйста. Получите и распишитесь», – подумал Махнев и горько усмехнулся. Но делать было нечего: он размочил сухарик и схрумкал его за одну минуту. Сам чай оказался довольно неплохим – в нем присутствовали восточные ноты.

Делать было нечего. За окном серел все тот же унылый день. В доме стояла полная тишина. Владимир окинул скучающим взглядом этажерку с книгами, рука потянулась за одной из них. И тут взгляд упал на бархатное кресло – в нем лежал парасоль. Это был кружевной бисквитный изящный парасоль мадам Лагранж. Очевидно, Полин забыла его. «Что взять со старушки? А вдруг он ей нужен, как трость? Надо бы отнести, тем паче она недалеко живет. Но как не хочется снова лицезреть черты ужасного тления бедной старой женщины. А, впрочем, заняться все равно – нечем. Пойду-ка я прогуляюсь», – вознамерился он.

Сборы были недолгими: он лишь расчесал русые кудри, оправил рубашку, придирчивым взглядом оглядел брюки. Все было в относительном порядке. К счастью, у двери на вешалке висел серый сюртук, вполне подходящий к его брюкам. Он примерил его, тот оказался впору. Захватив кружевной парасоль, Махнев направился к выходу.

Каблуки яловых сапог простучали по деревянным ступенькам, скрипнула голубая калитка, Владимир оказался на улице. Местами курился все тот же серый туман. Его пары окутывали землю неоднородно, создавая серые воздушные островки. Эти воздушные островки плавали на разной высоте. Ноги осторожно ступили на дорогу, покрытую мелким терракотовым гравием. «Полин сказала, что живет недалеко от меня. Надо повернуть направо, пройти два дома, и будет ее жилище», – рассуждал он.

Он шел медленно, озираясь по сторонам. Было очень тихо. Вокруг стояли все те же странные деревья, которые он встретил в начале своего прибытия. Березы и рябины перемежались с островерхими кипарисами, красно-ствольными, похожими на раскрытые зонтики, пиннами, и веерными кокосовыми пальмами. Все выглядело статично и бутафорски искусственно. Противоположный край дороги просматривался очень слабо – сквозь плотные клубы тумана выглядывали кусты, деревья, дальше них мрело лиловое поле. Край поля венчал темный, едва различимый лес.

Все так же поражало отсутствие даже малейшего ветерка. Позади захрустел гравий – слышались чьи-то шаги. Он обернулся. За спиной никого не было. Шум тут же смолк. Он двинулся дальше – звуки странных шагов прозвучали еще явственней. Он снова оглянулся – опять никого. В пустом пространстве раздалось чье-то бормотание, возня – кто-то невидимый смачно высморкался, а после раздался довольно грубый, раскатистый смешок. И этот невидимый господин (судя по звукам, они принадлежали существу мужского пола) прошел мимо Владимира, бесцеремонно толкнув его шерстистым и увесистым боком. Махнев потерял равновесие и свалился на дорогу. Невидимка загоготал еще громче и побежал вперед. На пустой дороге обозначилась цепочка следов. Но это были не человеческие следы. Отпечатки на гравии напоминали огромные львиные лапы. Владимиру стало не по себе, он внутренне сжался. «Каким же чудовищем окажется этот монстр, если он решится визуализировать свою личность?» – прикинул он с тревогой.

Невидимый монстр убежал далеко вперед, теперь его шаги напоминали топот копыт. Владимир снова поежился и устремился вперед. Пройдя мимо густых, тропического вида кустов, он невольно засмотрелся на гигантских стрекоз. Те шумно парили меж ярких цветочных гирлянд. Присаживались на бархатные, гиацинтовые цветки и замирали, глядя на мир огромными полукруглыми сферами. Их выпуклые глаза, переливаясь всеми цветами радуги, были похожи на цветные зеркала. Отчаянное любопытство подстегивало Владимира

рассмотреть ближе этих величавых летуний. Он наклонился к одной из стрекоз. Круглый, слюдяной глаз, словно в зеркале отразил его лицо, исказив красивые черты в овальную, удлинённую форму с вытянутым носом. Подобное отражение можно увидеть всякий раз, если посмотреть в хорошо начищенный, пузатый чайник или самовар. Владимиру стало смешно, и он невольно фыркнул, зажав рот ладонью. Стрекоза моргнула купоросным веком в обрамлении длинных ресниц, томно вздохнула, чёрный, загнутый кверху хвост дрогнул, хлопнули золотистые крылья. Владимир едва успел отскочить. Эти огромные крылья чуть не прищемили его любопытный нос. Стрекоза с укоризной покачала головой и, грузно оторвавшись от желтого цветка, с шумом полетела в сторону лилового поля.

«Да уж, вот это фауна и флора», – подивился он и пошагал дальше. Пройдя мимо цветущей черемухи, усыпанной странными розоватыми цветами, он уткнулся в высокий, темно-красный забор. По-видимому, за ним находился чей-то дом. Как выглядел сам дом – рассмотреть не удалось. Мешал забор. Проходя мимо двери, Владимир почувствовал: за ней кто-то стоит. В замочной скважине поблескивал чей-то глаз и с любопытством наблюдал за Владимиром. Приосанившись и напустив на себя равнодушие, Владимир сделал вид, что не замечает любопытного взора. И прошел мимо. Позади скрипнула дверь, он резко обернулся. Из полуоткрытого проема на мгновение высунулся чей-то длинный – предлинный нос, и тут же спрятался. Дверь захлопнулась, проскрежетали тугие засовы. Человек-нос поспешно ретировался. И снова воцарилась тишина.

Следующий дом стоял на маленьком пригорке. Невысокий забор огибал его кругом, уходя редким частоколом в туманную, темно-зеленую даль, напоминающую лесную чащу. И дом, и забор представляли собой жалкое зрелище. Забор местами покосился и упал, тут и там зияли огромные прорехи, в виде сломанных или оторванных досок и жердин. Его давно никто не красил, труха и вековая пыль разъели дерево так глубоко, что казалось – пни его, и он разлетится в прах. Сам дом тоже выглядел не просто запущенным, а даже немного зловещим. Деревянные бревна потемнели, черная крыша покосилась, пустые глазницы распахнутых окон пропускали серый свет. За окнами не было ни штор, ни цветов, рваные клочья паутины походили на обрывки грязных тряпок. Казалось, дом давно заброшен: все пространство около него заросло бурьяном и чертополохом. Владимир присмотрелся: кроме бурьяна вокруг произрастали высокие камыши. Послышалось кваканье лягушек. Длинные, острые стебли камышей поднимались до самого крыльца. Само же крыльцо обильно почернело от воды, зеленая ряска заволокла ступени вплоть до разбухшей, деревянной двери. «Видимо, здесь давно никто не живет, это – не

дом, это – какое-то болото», – решил он.

И вдруг он услышал женский голос и смех. В доме кто-то был! Голос оказался приятным и по-девичьи чистым. Из-за мрачных стен понеслась звонкая песня:

Топится, топится

В огороде баня.

Женится, женится

Мой милёнок Ваня.

А у кого какая баня,

У меня с белой трубой.

У кого какой залётка,

А мой самый дорогой.

Не успела моргнуть,

Да убежал уже к другой.

До свиданья, Ванечка,

Да я тебе не парочка.

Тебе тридцать, тридцать, вот,

А мне семнадцатый идёт.

Да у ты рожа бородата,

Я девчонка молода.

Тебя милый, за измену

Лихорадка затрясит,

Да на четырнадцать недель,

Да по четыре раза в день.

Топится, топится

В огороде баня, ох!

А мне Ваня изменил,

Да и опять ко мне пришёл.

Он опять ко мне пришел —

Меня дома не нашел!

Песня смолкла, слышался лукавый смех, в пустой глазнице окна мелькнул девичий силуэт в пестром сарафане и снова пропал. Владимира потянуло посмотреть ближе: кто эта таинственная девушка. Рука коснулась ржавой ручки, старая дверь легко распахнулась. В тот же момент по двору прошумел ветер, пригнулись камыши и бурьян, в воздух взметнулись вихри опавших листьев, из-под старой крыши вылетела стая откормленных, черных ворон.

«Ба, а вот и ветер. А я думал, его здесь и вовсе нет», – Владимир шагнул во двор странного дома. Какая-то неведомая сила приподняла его на четыре локтя над землей и бросила вниз. Кроме этого, на него свалилась отломанная трухлявая калитка и пребольно стукнула по лбу. Кто-то невидимый взял Махнева за шиворот и, тряхнув пару раз, вышвырнул пинком за ворота. Все эти манипуляции сопровождалось дерзким и ехидным женским смехом. Старая калитка взлетела сама собой, зависла на пару секунд над забором, а после, будто нехотя, встала на прежнее место, ржавые гвозди с жутким скрежетом воткнулись обратно в расхлябанные петли.

«Ну, и черт с вами! Очень надо в гости к таким хозяевам ходить!» – обиженно рассудил Владимир и, отряхнув испачканные брюки, поплелся дальше в поисках дома мадам Лагранж.

Пройдя еще некоторое расстояние, он увидел кружевной кованый забор с высокими, остроконечными пиками. В воздухе запахло вербеной и пудрой. «Наверное, здесь и обитает мадам Лагранж. Надеюсь, что она-то не вышвырнет меня за порог».

Кованая ажурная калитка была чуть приоткрыта. Он зашел во двор. И просто застыл. Было такое ощущение, что вокруг изменилось пространство.

Впереди простирался огромный двор. Это был даже не двор, а целый парк. Аккуратные, ровные газоны, прямоугольные цветочные клумбы поражали яркостью и ухоженным видом. На клумбах пестрели крупные цветы пурпурных, фиолетовых, сиреневых, цвета индиго, гиацинтовых, лилейных, амарантовых, лазоревых, цвета Авроры, альмандиновых, цвета Марины, нефритовых, опаловых, жонкилевых, кошенилевых и многих других тонов. Это был целый фейерверк ярких неземных красок. Огромные бабочки, такие же пестрые, как и цветы, порхали с одного цветка на другой. Здесь было намного светлее, чем на улице. Владимир невольно посмотрел на небо – нет, солнца на нем не было. Свет шел откуда-то сбоку. Казалось: это свечение огромных прожекторов или театральных софитов затопило ярким светом этот шикарный двор.

«Ого! – присвистнул он негромко. – Господа, а вы часом не ошиблись? Я точно в аду? По моим скромным представлениям так должен выглядеть Эдемский сад».

Кроме клумб всюду красовались стриженные конусообразные, круглые, овальные деревья. Некоторые из них цвели: розовые и белые цветы источали тончайший аромат. Иные гнулись от множества диковинных плодов. Длинные, посыпанные мелкой розовой мраморной крошкой, дорожки вели к высокому серому особняку, стоящему на небольшом зеленом холме. От кованой калитки до этого пышного дома простиралось значительное расстояние. Сей особняк напоминал французский дом в «Большом стиле»[23 - Большой стиль – (франц. «Grand maniere», Le style Louis Quatorze) – художественный стиль одного из самых ярких периодов в истории Франции, «золотого века» французского искусства второй половины XVII столетия. Связан с годами правления короля Людовика XIV (1643–1715), отсюда название. В этом стиле соединились элементы классицизма и барокко.]. Прямоугольные, гранитные кирпичики формировали крепкие, монументальные стены; шпалеры, увитые диким виноградом, доходили до второго этажа; высокие, резные окна украшали бархатные портьеры; лепные пилястры в виде цветочной мозаики спускались с крыши до земли; изящный портик с шестью колоннами венчался белым треугольным фронтоном – таков был дом мадам Лагранж.

С чувством уважения и восторга Махнев разглядывал этот необычный двор. «Да уж, вот это – роскошь! И как же она жила в прошлой жизни? Может, старуха была княгиней или графиней?» – невольно подумал он. – «Откуда, все это великолепии?»

Он двинулся вглубь двора. Повеяло свежестью, лицо и руки увлажнились – на них попали брызги чистой воды. Посередине двора серебряным зеркалом круглился мраморный фонтан. В центре фонтана красовалась скульптура обнаженной девушки с поднятыми руками. Внешность обнаженной мраморной прелестницы сильно напоминала Полин. Ту Полин, какую он увидел сегодня на пороге собственного дома, ту Полин, которая вначале так его очаровала. Из поднятых кверху ладоней стройной статуи бил мощный поток. Переливаясь бриллиантовыми искрами, прозрачная, чистая вода падала назад в мраморную круглую чашу. Владимир подошел к фонтану, ладонь поймала тонкую струйку. Он поднес воду к лицу и с наслаждением вдохнул почти родниковую, ледяную свежесть. Ему захотелось умыться – настолько приятной и чистой показалась эта вода. Он нагнулся и увидел: в бурлящей глубине фонтана мелькнули легкие тени. Через секунду показались красные и ранжевые спинки, развевающиеся, длинные плавники и ажурные хвостики больших золотых рыбок. Эти чудные создания плавали и резвились в маленьком искусственном водоеме.

Владимир с наслаждением опустил руку в бурлящую водную стихию. В этот момент произошло нечто странное: свет на мгновение потух, воцарилась полная, зловещая темнота. Он никогда не видел такой угольной темноты. Откуда-то из-под земли послышался сильный гул, уши заложило, стало страшно и одновременно тревожно. Спина моментально взмокла, ноги подкосились, и он упал на колени рядом с фонтаном. Вслед за темнотой на мгновение вспыхнул свет и вновь погас. Теперь вспышки света перемежались с полным мраком – словно кто-то баловался с огнем: то зажигал, то гасил яркие свечи. И среди этого неприятного мельтешения взгляд Владимира упал на воду в фонтане. Она перестала течь и играть. Она застыла, словно густой глицерин или липовый мед. Не плавали и золотые рыбки – неживыми яркими, лохматыми сгустками они застыли в этой странной, неподвижной субстанции. В коротких промежутках света он разглядел и то, что брызги падающей воды тоже застыли в пространстве и не падают вниз, а висят воздухе, словно гирлянды холодных алмазов. Свободная рука осторожно коснулась цепочки неподвижных капель – те с шумом осыпались на землю, как горох с обеденного стола. Владимир с восторгом и страхом тарасился на стеклянную россыпь твердых капель, которые лежали у его ног горкой чистокровных бриллиантов. Свет все также мелькал. Владимир перевел взгляд на воду в фонтане – она оставалась статичной. Более того – вода загустела еще сильнее и даже слегка подрагивала, словно крутой холодец. Владимир пошевелил пальцами – они двигались с большим трудом. Он напрягся и с силой рванул руку из диковинной густоты. И как только рука, преодолевая огромное сопротивление тугих желеобразных пластов, выскочила наружу – тут же прекратились игры света и тьмы. Не успел

он моргнуть, как все встало на свои места: вода снова стала текучей, искристой и прозрачной; рыбки заиграли красными плавниками; брызги воды приобрели свойства свободного падения; а под ногами Владимира образовалась небольшая лужица – россыпь твердых водных камней вновь стала жидкой.

«Что это? Дьявольские козни или игры со временем? Может, в этот момент произошло то, о чем говорила Полин? Наверное, Виктор захотел позабавиться с прерогативой Хроноса: то останавливал время, то запускал вновь. Однако каков проказник! Да уж, удовольствие не из приятных», – рассуждал Владимир.

Он направился к дому. Широкие мраморные ступени портика вели к массивной двери. Потемневшая бронзовая ручка, отлитая в виде когтистой лапы невиданного животного, шоколадный палисандр полотна – дверь также поражала своей необыкновенной роскошью. Два огромных капских[24 - Капский лев – ныне вымерший подвид гигантского длинногривого льва. Для самцов капских львов была характерна длинная черная грива, распространявшаяся за плечи и, покрывавшая, в том числе и живот.] каменных льва – застывшие стражники сидели возле двери. Владимир немного замешкался на входе, постоял пару минут в нерешительности, и наконец набравшись смелости, громко постучал.

Дверь почти мгновенно распахнулась. На пороге оказалась молодая белокурая девушка в скромном темно синем платье с белым воротничком и манжетами. Кокетливый передник, надетый поверх платья, выдавал в ней горничную или прислугу. Она приветливо улыбнулась.

– Добрый день, господин Махнев. Милости просим. Мадам предупредила меня о вашем визите.

– Да? – удивленно протянул Владимир и шагнул за порог. Позади он услышал звериный рык, скрежет когтей и странное глухое постукивание. В нос ударил резкий запах крови, запах дикого леса и запах опасности. Владимир быстро обернулся и остолбенел от ужаса: каменные львы внезапно ожили! Повернув кудлатые, черные головы вслед Владимиру, они злобно и раскатисто рычали; желтые холодные глаза смотрели с вызовом; толстые, длинные хвосты упруго постукивали о мраморный пол. Львы готовились к прыжку. Белокурая горничная испуганно захлопнула дверь перед носом двух чудовищ. Когтистая лапа стукнула по закрытой палисандровой двери, раздался злобный рык, а после все стихло.

«Ничего себе шуточки! Они же могли прыгнуть на спину и разорвать меня в клочья, – рассуждал Владимир со страхом. Он едва перевел дух. – Зачем эта старуха держит таких охранников? Чего ей охранять? Свою невинность?»

– Месье Махнев, пройдите, пожалуйста, в комнату для гостей. Мадам Лагранж просила вас немного подождать, – смущенно, но вместе с тем очаровательно пролепетала блондинка и сделала книксен. Владимиру удалось разглядеть ее чуть лучше. Под тканью скромного платья уместилась высокая, пышная грудь, ниже шла тонкая талия. Девушка была довольно высокого роста. Белокурые локоны спускались на покатые плечи. Светлый тон ровной кожи, голубые глаза, крупный чувственный рот. «Однако! Как хороша чертовка. Вот бы с кем я с удовольствием сошелся поближе. А то... подсунули старуху. А тут такие горничные ходят аппетитные». Блондинка, словно прочитав его мысли, чуть задержалась на пороге. Голубые глаза смотрели смело и с вызовом. После она изящно развернулась и вышла из комнаты, крутые бедра вильнули на прощание и скрылись за тяжелой бархатной портьерой.

Владимир огляделся. Его оставили в довольно большой комнате. Под ногами переливался начищенный до блеска, мозаичный паркет. На стенах висели роскошные гобелены, лакированные бордюры с искусственными фруктами и цветами шли вдоль огромных тканых полотен. Сюжет этих гобеленов сводился к изображению французских и итальянских пейзажей. Отблеск свечей в массивных бронзовых канделябрах выдавал щедрое присутствие золотых нитей в ткани рукотворных картин. Листья, трава, игры света в струящейся воде, облака в небе – во всех изображениях блистало натуральное золото. Мебели было мало: два массивных шкафа с потемневшими бронзовыми накладками, письменный секретер, несколько юфтовых банкеток и пара роскошных стульев, стоящих вдоль стен. Бархатные темно-вишневые портьеры украшали высокие окна. Такие же портьеры висели и на входе, куда удалилась горничная.

Прошло около пятнадцати минут – старуха так и не появилась. «Ей тяжело ходить – поэтому, ее так долго нет. Как только носят ноги эту несчастную Полин? Она вот-вот развалится от старости. Может, не стоило ее беспокоить? Надо было передать парасоль горничной и пойти домой. Пожалуй, я так и сделаю. Правда, есть одно «но»... Кто отгонит голодных хищников от двери? Похоже, я вляпался, куда не следует. Здесь на каждом углу подвох. Ну, разве может лев загрызть меня в аду? Теоретически – я давно умер. А практически – мне страшно. Черт знает что!»

Он хотел отправиться на поиски горничной, но взгляд задержался на тяжелой портъере у входа. Из-за портъеры показалась холеная и изящная женская ручка, обнаженная до локтя. Длинный пальчик с острым розовым ноготком согнулся полумесяцем и поманил Владимира к себе. Он пошел на этот странный зов. Раздался лукавый женский смех – похожий на звон серебряных колокольчиков. Потом смех пропал, испарилась и хозяйка прелестной ручки. Он вышел за порог комнаты, перед ним простирался длинный коридор. По обеим сторонам тянулись высокие дубовые двери. Часть из них была – закрыта, часть – распахнута. Слышалась музыка и дамский смех. В дверных проемах трепетал разноцветный шелк – это легкий сквозняк гулял по коридору и комнатам. Владимиру казалось, что помимо голосов он слышит чей-то лукавый и назойливый шепот. Он заглянул в первую распахнутую дверь.

Его взору открылся огромный зал. Убранство этого зала было еще более роскошно, чем в той комнате, где он пребывал недавно. Всюду блистали жирандоли[25 - Жирандоль – большой фигурный подсвечник для нескольких свеч. Произошло от Французского "girandole", Итальянского "girandola", что в переводе означает – сноп водных струй, ракет, канделябр.], отражаясь в блестящем мозаичном паркете, старинные портреты неизвестных господ в массивных бронзовых рамах украшали стены, обтянутые голубым шелком. Возле высоких окон с позолоченными, витыми решетками, примостилась пара темно-синих роскошных диванов, типа канапе[26 - Канапе – предмет мебели, подобный софе и дивану, обитый материей. При его изготовлении используется древесина грецкого ореха, вишни, красного дерева. От французского «сапаре».], три мягкие банкетки и несколько стульев с высокими спинками. В углу располагался изразцовый камин, блики огня танцевали на черной, лакированной поверхности старого фламандского клавесина. Но главным было другое. За клавесином сидел строгий пожилой мужчина в мантии и светлом парике. Он играл инструментальную сюиту, напоминающую своими аккордами торжественную павану[27 - Павана – торжественный медленный танец, распространённый в Европе в 16–17 вв., музыка к этому танцу.] «Belle qui tiens ma vie»[28 - «Belle, qui tiens ma vie» (франц.) – Belle, кто хочет моей жизни. Известная павана.]. На пюпитре покоились открытые ноты, длинная, тонкая указка лежала рядом. Это был учитель танцев. Недалеко от него стояли ученицы, их было семь или восемь... Но какие! Это были – юные, прехорошенькие девушки, почти девочки в нарядных платьях и белых, припудренных паричках. На свежих щечках играл розовый румянец, большие, распахнутые глаза блестели от бликов каминного огня. А может, девушек так вдохновляла музыка. Музыка и впрямь была необыкновенной. Учитель, прикрыв усталые глаза, медленно перебирал пальцами по клавишам – девушки, затаив дыхание, слушали. Потом он перестал

играть и сказал им что-то по-французски, Владимир не расслышал, что именно. Но девушки восторжались, встали парами и принялись разучивать сложные танцевальные па. Учитель ходил меж ними, строгий взор следил за правильной осанкой учениц. Старые руки учителя то и дело поправляли тоненькие ручки своих подопечных, указка постукивала по узким, изящным спинкам. Шел урок танцев. Владимир долго стоял, не в силах оторвать взгляда от столь юных и грациозных созданий. Хорошо, что его никто не заметил. Он постоял еще немного и покинул эту комнату.

В другой комнате он обнаружил несколько танцевальных пар довольно зрелых дам и кавалеров. Они танцевали менуэт. Невидимый оркестр играл красивую мелодию. Все дамы и кавалеры были одеты в изысканные шелковые с гипюром костюмы, которые носили при Версальском дворе, их головы покрывали напудренные парики, в шляпах пружинисто пестрели разноцветные эгреты [29 - Эгрета – это торчащее вверх перо или какое-либо другое украшение, прикрепляемое к женскому головному убору или прическе.]. Так роскошно и куртуазно могли выглядеть лишь вельможи самого короля. Движения танцующих отличались необыкновенной слаженностью, плавными линиями и жеманной манерностью. Дамы изящно делали плие, кавалеры снимали шляпы, производя ими в воздухе замысловатые пируэты. Затем танцующие церемонно кланялись друг другу – их лица выражали особую торжественность. Дамы проходили вперед и в бок, шурша мощными шелковыми юбками. Сие пышное действо напоминало королевский балет или спектакль.

Этот зал блистал еще сильнее двух предыдущих. На мраморных постаментах возвышались фарфоровые вазы, полные охапками белых и пурпурных роз. Розы источали дурманящий аромат. Возле дверей, словно неподвижные истуканы, стояли чернокожие слуги. Другие лакеи находились в глубине зала, на их руках покоились подносы с фужерами и бутылками темного вина. Сбоку от танцующих красовался овальный перламутровый стол, уставленный воздушными пирожными, вазами с фруктами и тарелками с яркими закусками – то были оранжевые креветки и омары в гирляндах кремовых и фисташковых розеток.

«Что это? Бал? Кто эти люди? Это гости мадам Лагранж? Но где же она сама?» – рассеянно рассуждал Владимир, глядя на пеструю вереницу жеманных господ.

Он покинул и эту комнату. Станным было то, что на него никто не обращал внимания, будто он стал невидимкой.

Другая открытая комната была чуть меньше. Она скорее напоминала учебный класс. За ученическим столом сидели двое юношей, лет семнадцати или восемнадцати, и записывали что-то в тетради. Напротив, на небольшом возвышении, находился стол учителя. На нем расположились голландский глобус, старинный микроскоп, потемневшие от времени, толстые книги в кожаных переплетах, стеклянные колбы с неизвестным содержимым, валялось множество заточенных гусиных перьев. Раскорячив короткие когтистые лапки и приоткрыв узкую зубастую пасть, сбоку от стола, на специальном постаменте, стояло чучело довольно крупного, желтобрюхого, нильского крокодила.

На стене висели гравюры, изображавшие странные металлические механизмы и огромных насекомых в разрезе. Учитель стоял спиной к ученикам. Твердая рука чертила мелом геометрические фигуры и цифры. Ученики смотрели на доску и, высунув от усердия розовые языки, записывали в тетради научные знания. Учитель повернулся. Владимир смог хорошенько рассмотреть его четкий, немного хищный профиль, уголки опущенных узких губ, волевой подбородок. На вид ему было около сорока лет.

Владимир пошел дальше. Он не стал более заглядывать в боковые комнаты, его потянуло к той, что находилась в самом конце этого странного коридора. Она была плотно закрыта. Он подошел к двери, душу охватило странное волнение. Постояв пару минут, Махнев решительно взялся за ручку.

Глава 3

«Надо же, какие длинные ноги... и цвет кожи – le cafe au lait – «кофе с молоком». Кто это – мурин[30 - Мурин – так часто в 18–19 веке в России называли негров, арапов, чернокожих. (Примеч. автора)], араб или мулат? Но, до чего красив! А она? Она – королева...» – думал Владимир спустя несколько минут.

Он распахнул последнюю дверь. И увидел нечто, что сильно поразило его воображение. Пред ним открылся огромный зал. Цвет стен, мебели, тяжелых бархатных портьер переливался нежно сиреневыми и лиловыми оттенками, сгущаясь по углам в темно-синий кобальт. Свет множества свечей был столь ярок, что напоминал целое пожарище холодного огня – мягкие, но яркие лучи не просто светились, они слегка люминесцировали, делая воздух густым и

дымчато-перламутровым.

Посередине этого огромного зала стояла широкая кровать, заправленная белоснежным шелковым бельем. У этой кровати была одна – задняя полированная, инкрустированная змеевидным узором, спинка. Все остальное пространство оставалось свободным. Благодарному зрителю открылось великолепное, торжественное, ярко-бесстыдное таинство...

Вначале он увидел длинные мужские, чуть раздвинутые ноги. Более всего смущал их экзотический кофейный оттенок и необыкновенная длина. Это были ноги крупного, атлетически сложенного мужчины-мулата. Чуть позднее Владимир разглядел его мощный торс, сильные руки и курчавую темноволосую голову. Лицо мулата с вывернутыми, полными губами, синими глазами и тонким носом также поражало изысканной южной красотой. Мулат лежал на спине полностью обнаженный. На нем сидела хорошенькая, стройная девушка. Цвет ее белоснежной кожи настолько контрастировал с кожей мужчины, что этот «кофе со сливками» мог потрясти фантазию любого художника. Махнев, будучи в душе поэтом, в очередной раз пожалел о том, что боги не наградили его еще одним талантом – талантом живописца.

Девушка сидела на мужчине, спиной к Владимиру. Но это он понял чуть позже. Разрозненные детали этой яркой картины постепенно овладевали сознанием. Вначале показались белоснежные полушария довольно крупной попы, выше шла тонкая подвижная талия и узкая спина. Копна каштановых, вьющихся волос нестройным водопадом спускалась на обнаженные плечи. Девушка не просто сидела на мужчине, она совершала движения любовного танца, а вернее не танца, а бешеной скачки. Роскошный, влажный зад скакал галопом на толстом шоколадном стволе. В какую-то минуту она приподнялась чуть выше – ствол выпал. Владимир поразился его внушительным размерам. Девушка сладострастно вскрикнула, изящная ручка с жадностью схватила то, что упало рядом, и водрузила сей предмет на место. Узкая спина выгнулась, как у кошки, розоватый альков двух полушарий раздвинулся сильнее – Владимир, затаив дыхание, смотрел на то, как мощно и упруго движется ее сочный зев, скользя по толстому фаллосу. Ниже, словно два мохнатых кокоса, дрожали упругие, темные шары. Быстрые движения, звуки шлепков, сладострастные стоны – все это завораживало настолько, что Владимир не мог пошевелиться. Он стоял, словно околдованный и впитывал в себя детали этого возбуждающего действия.

Гибкая спина прогнулась вперед, девушка на минуту замерла, тонкая ладонь отвела прядь густых волос за ухо, обнажился нежный профиль. Владимир попытался рассмотреть ее ближе – она лукаво усмехнулась и вновь отвернула гордое лицо. Его тянуло посмотреть ей в глаза, но он не решался двинуться с места. Смутная догадка закралась в сердце – уж больно ее профиль походил на профиль Полин Лагранж. На ту юную Полин, которую он встретил на пороге своего дома. Тот же упрямый, чуть вздернутый носик, та же форма губ, та же длинная шея. В ответ на его любопытство девушка на мгновение повернула лицо. Это была... Полин. Но эта Полин выглядела еще моложе. Этой Полин было не более семнадцати, восемнадцати лет.

Она самодовольно улынулась. Откуда-то сбоку, словно из-под земли, появились еще двое почти одинаковых, обнаженных мулата. Они подошли к кровати и встали с двух сторон. Это были очень высокие, стройные мужчины. Владимир никогда не видел таких красивых, атлетически-развитых африканцев. Их крупные фаллосы находились в полной боевой готовности и слегка подрагивали...

Полин прошептала что-то на незнакомом, шипящем с присвистом языке, щелкнула пальцами, еще раз оглянулась на Владимира. Её лукавый, чуть насмешливый взгляд стал почти зловещим, карие глаза потемнели. Она походила на прекрасную ведьму. Две нежные, но сильные и властные ручки потянулись к дрожащим приапам.

Спустя мгновение картина стала и вовсе потрясающей. Теперь Полин была похожа на всадницу, ведущую под узду двух великолепных жеребцов-ахалтекинцев[31 - Ахалтеки?нец – верховая порода лошадей, выведенная на территории современной Туркмении, предположительно около 5000 лет назад. Это древнейшая из культурных пород, оказавшая влияние на многие породы – арабскую, верховую или английскую скаковую. Относится, наряду с чистокровной верховой и арабской, к числу эталонных верховых лошадей.]. Мускулистые, поджарые мужчины так напоминали этих древнейших, породистых скакунов. Пылкий темперамент, высокое телосложение, широкая грудь, атласная смуглая кожа с сеточкой едва проступающих темных вен, широко поставленные, миндалевидные глаза – создавали это странное сходство. Полин все также скакала верхом на одном мулате, белые ладошки едва удерживали рядом двух других. Тонкие пальчики с трудом обхватывали их напряженные, каменные орудия.

Неизвестно сколько времени бы длился тот ступор, в котором оказался Махнев. Он чувствовал, что его собственный жеребец с большим удовольствием бы погрузился в любое свободное отверстие Полин. Тем паче, что одно из них – темная кофейная звездочка, манило так, что не было сил терпеть.

Неожиданно рядом с собой он услышал влажный шепот и другой женский голос.

– Месье Махнев, мадам просит прощения. Она заставляет вас ждать. Не соблаговолите ли, обратить внимание на других дам? Хотя бы на меня?

Мягкие ладони почти с силой отвернули его лицо от Полин.

И тут у Владимира еще сильнее закружилась голова. Он отвернулся от мадам Лагранж, но увидел другое... Вся огромная комната наполнилась обнаженными мужчинами и женщинами. На полу, застеленном пушистым персидским ковром, на креслах, банкетках, возле стен и окон в разных, довольно откровенных позах, одновременно предавались греху множество людей. Все они были хорошо сложены, молоды и красивы. Цвет кожи разнился от ослепительно белого, до иссиня черного.

В стороне от кровати, прямо на ковре, двое белокожих, крепких на вид мужчин, одновременно совокуплялись с хорошенькой широкобедрой чернокожей девушкой. Она стонала, закатывала кверху голубоватые белки глаз, сочные, почти коралловые губы то раскрывались ярким цветком, то вытягивались в тонкую, бутанообразную трубочку. Мимика ее лица казалась необычайно подвижной. Замысловатые ряды африканских косичек делали ее голову несоизмеримо маленькой, относительно широких подрагивающих, мясистых бедер. Длинные обезьяньи пальчики теребили дутые золотые кольца, вставленные в торчащие соски маленькой, конусообразной груди. Такие же кольца, только крупнее украшали тонкие запястья и щиколотки. Владимир долго не мог отвести взгляд от этой экзотической чернокожей красавицы. Особенно ему понравились узкие, розоватые ступни с круглыми светлыми пятками и мелкими, почти детскими пальчиками. Концы пальчиков венчали крохотные, похожие на рыбу чешую ногти, окрашенные темно-красной киноварью[32 - Киноварь – минерал, сульфид ртути. Самый распространенный ртутный минерал. Имеет алую окраску, на свежем сколе напоминает пятна крови. Греческое название киновари, употребляемое ещё Теофрастом, по одной из версий происходит от др. – перс. *zinjifrah*, вероятно, означавшем «драконья кровь». Киноварью также называют неорганический пигмент, в прошлом получаемый из

данного минерала, и соответствующий оттенок красного цвета.]. Ему так захотелось рассмотреть ее везде: «Интересно, а там у нее тоже есть какое-нибудь колечко? Наверняка, есть...» Мелькнул нежный зев крохотной, почти устричной раковины, мелькнуло и золото кольца... Владимир, замороженный блеском золота, пялился на багровую плоть распахнутых губ, обрамленных кружевом черных волос. Темнокожая вакханка, сидя верхом на любовнике, будто нарочно раздвинула ноги так, что любопытный Владимир смог хорошенько рассмотреть всю яркость ее бесстыдного лона. Золотое кольцо, продернутое сквозь скользкую плоть, дрожало от малейшего касания. Широкая ладонь одного из любовников нырнула к коралловому сокровищу, настырный палец нащупал колечко и потянул его кверху...

«Что он делает? – с тревогой подумал Владимир. – Неужели ей не больно?»

Как ни странно, негритянка в ответ на жесткую ласку протяжно застонала. Но Владимир готов был поклясться – это был стон наслаждения. Пока Махнев рассматривал анатомические особенности шоколадной дивы и раздумывал о том: есть ли у неё клитор, или же колечко продернуто сквозь лепестки оставшейся плоти, оба ее любовника почти одновременно закончили страстный танец. Один из них разрядился в ее узкое лоно, прокричав какое-то странное ругательство на непонятном Владимиру языке. Другой, с проворством дикого зверя, вскочил с колен и поспешил отправить огромный жезл в полураскрытый рот женщины. Она с жадностью проглотила его внушительное орудие и чмокнула от удовольствия... Дрогнули плетеные косички, бутончик подвижных губ едва сомкнулись на толстом орудии белого мужчины. Темнокожая красавица принялась так энергично двигать головой по натянутому стволу фаллоса, что изо рта любовника вырвался не стон, а судорожное шипение. Жестом руки он указал ей, что она должна двигаться чуть медленнее. Теперь она совершала неторопливые кругообразные повороты головой. Мужчина стонал от наслаждения.

По темной шее прошла волна – второй любовник получил желаемое. Долгий спазм узкого, черного горла красноречиво свидетельствовал о том, что ее партнер разрядился приличным количеством семени. Он дернулся еще пару раз и осел на мягкий ковер.

Оба мужчины полежали некоторое время, приходя в себя. Затем один из них достал откуда-то с полу небольшую кожаную котомку. Сильные руки развязали прочную тесьму, широкая ладонь нырнула в глубину дорожной сумки. Судя по

озабоченному лицу крепыша, он что-то искал внутри. Через минуту суровое выражение сменилось некоторой удовлетворенностью. Волосатая рука извлекла что-то блестящее. Это была длинная золотая цепь толщиной в палец, ее конец венчал маленький крючковатый карабин.

Мужчина встал, расправил затекшие ноги и, глядя сверху вниз на лежащую на ковре негритянку, проговорил ей что-то хриплым голосом. Его любовница приподнялась на локтях и вдруг замотала головой, круглые, выпуклые глаза смотрели с испугом. Раздалось нервное бормотание, какое-то тонкое всхлипывание, гладкие колени судорожно сжались, плотно закрыв яркую раковину. Тогда мужчина прикрикнул на нее, выражение его глаз внезапно сделалось суровым, почти злым. У шоколадной дивы дрогнул подбородок, она покорно опустила голову и развела стройные ноги. Мужчина подошел к ней, его руки закопошились возле ее раздвинутого лона. Сначала Владимир не понял его движения. Но через пару секунд ему все стало ясно. Мужчина закрепил конец золотой цепочки за колечко, спрятанное в алькове темно-красной плоти чернокожей любовницы. Оба мужчины пошли куда-то и потянули за собой даму так, словно это была собачонка, посаженная на привязь. Женщина вынуждена была поспешать, ибо любое промедление могло доставить ей физическую боль.

«Судя по всему, эта шоколадная пери является их рабыней. Но кто эти люди? Какого они роду и звания?» – все эти мысли, обгоняя друг друга, проносились в воспаленном сознании Владимира.

Рядом со странной троицей лежала еще одна обнаженная рыжая блудница. Разметав огненные локоны по теплому ковру, она кусала от сладострастия губы, полные белоснежные груди с яркими, красноватыми сосками круглились двумя подвижными шарами. Другая – темноволосая женщина-лесбиянка, стоя на коленях, ласкала губами горячий альков, широко раскинутых, стройных ног рыжеволосой менады[33 - Менада (безумствующая) – в древнегреческой мифологии спутница и почитательница Диониса]. На эту увлеченную парочку поглядывал высокий, напомаженный, несколько манерный блондин с широкими, бледными плечами в рыжих конопушках. Он смотрел на внушительный, миндальный зад склоненной брюнетки, и поглаживал длинный красноватый фаллос.

Спустя минуту он грохнулся возле увлеченной парочки лесбиянок и направил решительного гостя во влажное лоно брюнетки. Женщина вздрогнула, но не отогнала от себя настойчивого поклонника. Ее круглый зад поддался навстречу

высокому блондину. Тот принялся наносить резкие удары. Брюнетка выгнулась еще сильнее и застонала от удовольствия. Ее рыжеволосая подруга подняла голову и отстранилась, чтобы не мешать удовольствию страстной брюнетки. Помедлив пару минут, она подползла на коленях к мужчине и встала рядом со своей подругой, оттопырив пухлый, в ямочках, белокожий зад. Озадаченный взгляд блондина прошелся по распахнутым вратам обеих подруг. Но он не растерялся – теперь его мощный фаллос входил то в одно отверстие, то в другое. Обе женщины мычали от острого наслаждения.

С правой стороны, перекинув пышнотелую красотку через подлокотник шелкового кресла, мужчина с длинными усами и волосатой грудью, внешне похожий на бравого гусара, энергично двигал задом над распростертым женским телом. Женщина охала, повизгивала и издавала весьма сладострастные звуки. «Гусар» долбил ее так, словно хотел проткнуть насквозь, однако дама не высказывала ни малейшего признака или желания переменить свою участь. «Гусар» выкрикивал что-то несурзное командирским тоном, широкая ладонь звонко шлепала ее полный зад, он приказывал женщине менять позу. Та проворно подчинялась, с готовностью раздвигая ноги так широко, словно работала ранее гимнасткой или акробаткой. Последняя поза, в которой усатый мужчина употребил свою партнершу, выглядела столь странно, что Владимир усомнился: не сломает ли дама спину, свернувшись в столь затейливый узел...

Чуть поодаль Владимир заметил высокого, голубоглазого, коротко стриженного блондина, напоминающего чертами баварца или австрийца. В объятиях блондина, трогательно прижавшись к широким плечам, сидел другой мужчина – смуглый юноша, хрупкого телосложения с копной темных, вьющихся волос и по-женски пухлыми губами. «Баварец» стиснул запястье своего любовника, другая сильная ладонь ухватилась за копну густых волос и притянула податливую юношескую голову к раскрытому паху. То, что произошло между ними дальше, заставило Владимира вздрогнуть и отвести глаза.

В другом углу – одна смелая брюнетка принимала одновременно троих. Ее полные ноги свешивались по обе стороны бедер крупного мужчины, лица которого Владимир не разглядел. Второй, смуглый и поджарый любовник наносил довольно быстрые удары в покорный женский зад. Третий направлял могучий фаллос прямо в рот, едва дышавшей от возбуждения брюнетки. Еще трое голых крепышей покорно ждали своей очереди. Их похотливые глаза горели от возбуждения, горячие ладони сжимали воспрявшие, готовые на бой,

орудия. Брюнетка стонала и визжала, словно молодой поросенок, но лишь тогда, когда освобождался ее крупный, растянутый разворотом, рот...

«Бедная дамочка, а если очередь желающих удвоится? – подумал Владимир. – До чего же похотливые создания, эти несносные бабы! Неужто было мало одного?»

На подоконнике восседала другая русоволосая красавица. Разведенные в стороны длинные и полные ноги поражали молочной белизной и открывали темный, бесстыдно распахнутый альков крупного лона, выше которого круглился чуть розоватый, мягкий живот. Завитки длинных, распущенных волос струились по плечам и касались деревянного полотна подоконника, томный взгляд зеленых глаз рассеянно скользил по макушке темноволосого мужчины. Рослый брюнет, стоя на коленях, не отрывал рта от жадного до ласк, мохнатого сокровища. Красотка стонала, широкий зад двигался навстречу, тяжелые груди с вздувшимися сосками торчали в стороны, пухлый рот судорожно хватал воздух, полное тело содрогалось от удовольствия.

Рядом с ней, сидя на шелковом пуфике, занималась любовью другая пара. Женщина казалась чрезвычайно хрупкой, с детскими неразвитыми формами: маленькая, плоская грудь, узкие мальчишеские бедра, худенькие ножки. Прямые, длинные волосы иссиня черного оттенка почти закрывали желтоватое лицо.

Она двигала плечами, густые конские пряди падали назад. Она походила на китаянку или жительницу океанических островов. На широком, но нежном лице красовались узкие миндалевидные глаза, некрупный, приплюснутый носик и маленькие, сочные губы. Возле нее примостился рослый рыжеволосый великан с внушительным орудием... Его фаллос, буравя узкую плоть, двигался медленно и с таким трудом, что китаянка морщилась от боли.

«Не мог найти себе кого-то покрупнее, – озабоченно подумал Владимир, – он же раздавит и порвет эту маленькую крошку с далекого острова...» Но «крошка», как ни странно, не оказывала никакого сопротивления. Grimасы боли перемежались с выражением полнейшего удовольствия. Ее глаза светились восхищением, признательностью, каким-то восточным благоговением перед бурным натиском рыжего великана. Она трепетно вздыхала и шептала какую-то тарабарщину на туземном языке. А может, это была ее молитва или любовная мантра? Лишь изредка с маленьких губ срывался легкий стон, худенькие ножки

дрожали, на затуманенные глаза набегали слезы. Но может, это были слезы любви и восторга?

«Кто их разберет этих баб? – рассуждал Владимир. – Развратница! Пускать в себя такую оглоблю...»

Он чувствовал, что его самого уже начинает трясти от страшного, звериного возбуждения.

Всюду, куда бы ни посмотрел наш герой, была одна похоть. В ушах стоял гул из стонов, криков, сладострастного шепота. Владимир не понимал: спит он, или все это происходит наяву. Перед глазами мелькали длинные языки, раскрытые мокрые губы, разномастные ягодицы, бесстыдные раковины вагин, и огромное количество разноцветных эрегированных фаллосов.

Он вздрогнул – чья-то мягкая рука настойчиво теребила его плечо. Махнев попытался сосредоточиться. Перед ним стояла обнаженная блондинка – горничная мадам Лагранж. Как он мог о ней забыть?

– Месье Махнев, простите меня за назойливость, не составите ли вы мне компанию, пока мадам занята? – кокетливо, немного смущаясь, пролепетала она.

– Конечно, составлю, – прохрипел ошеломленный Владимир.

Было такое ощущение – словно его на мгновение выдернули из быстровращающейся детской карусели или из середины пестрого калейдоскопа. Кружилась голова, немного подташнивало. Не смотря на это, вождение было столь сильным, что казалось: его фаллос треснет от натуги, и скоро польется кровь.

– Меня зовут Анетта, – едва успела проговорить блондинка. Последние звуки ее голоса потонули в сладострастном поцелуе. Владимир, словно хищник, набросился на хорошенькую Анетт.

Он с удивлением обнаружил то обстоятельство, что на нем не было никакой одежды. «Когда я успел раздеться? Опять какая-то чертовщина!» – едва подумал он, и тут же погрузился в теплое, узкое лоно блондинки.

Анетт оказалась очень темпераментной женщиной. Она так энергично двигала круглым, упругим задом, большие груди с острыми сосками были столь аппетитны, что через пару минут наш герой буквально взорвался потоком живительной влаги. Они лежали несколько минут, ошарашено разглядывая причудливые позы совокупляющихся сладострастников. Всеобщая вакханалия имела такой накал, что любой, кто попадал в ее поле, сразу же, неумолимо заражался безудержной похотью.

Лежа на ковре, краем глаза Владимир успевал поглядывать на середину зала, на ту кровать, где «скакала» главная наездница, хозяйка дома – величественная Полин. В струйках перламутрового тумана образ Полин выглядел нечетко, а чуть размыто. Даже сквозь пелену Владимир уловил еще одну перемену декораций... Появился четвертый мулат. По его характерным движениям Владимир понял: любительница содомии получила еще одного желанного жеребца. Он замкнул тылы этой странной «кавалькады», вогнав внушительное орудие в спелый зад королевы.

«А бабушка-то не промах. Хотя, какая же она бабушка? Черти! Вы задурили мне все мозги... Я так устал от ваших мистификаций», – путались мысли Владимира. Мысли путались, а фаллос предательски стоял.

Он еще раз сблизился с Анетт. На этот раз он поставил ее на колени и вогнал, налитой от крови член, прямо в узкий, розоватый анус. Анетт вскрикнула от боли и поддалась вперед, пытаясь освободиться от столь крупного и решительного гостя. Но, охваченный безумным вожделением, Владимир не дал ей опомниться. Сильные пальцы впились в нежную шею блондинки – он притягивал ее с такой силой, что женщина стонала, всхлипывала и крутила задом. Через минуту она обмякла и покорно выгнула спину, а еще через минуту принялась сама насаживаться на упругий ствол.

– Прости милая, тебе придется чуточку потерпеть... – едва выдохнул он. – Ты сама этого хотела... Сейчас тебе станет хорошо...

Анетт простонала что-то в ответ, открывая припухший от поцелуев рот. Через несколько минут он разрядился в узкую дырочку доброй порцией, горячего как лава семени, и упал на персидский ковер. Спина и мокрые от пота руки с наслаждением окунулись в мягкий, шелковистый ворс. Тяжелые веки сомкнулись от усталости, хотелось спать. Прошло несколько минут.

Но и после этого возбуждение не утихло. Станным было то, что оно разгоралось с еще большей силой. Рука пошарила рядом – он хотел еще раз воспользоваться услугами гостеприимной блондинки. Изощренная фантазия услужливо подкидывала новые похотливые позы, в которые он намеревался поставить податливую Анетт. Но блондинка куда-то исчезла.

Владимир недолго пребывал в одиночестве.

– Меня зовут Акеми, – звуки нежного голоса заставили вздрогнуть. От сладкого спазма шевельнулись волосы на груди и голове. – Господин не будет возражать, если Акеми присядет рядом?

– Нет, нет, – Владимир качнул головой. – То есть да, присаживайтесь.

Легкий шелк коснулся голой ноги и живота, круглой россыпью прозвенели колокольчики, пахло чем-то свежим, и одновременно горьким. Это был запах белой хризантемы. Над ним проплыло нечто странное: белые, черные, пурпурные и золотистые тени... Это была японка. Кукольное лицо покрывал тонкий слой рисовой пудры, ярко-вишневые губы выглядели маленьким темным пятном, узкие, чуть припухшие глаза, подведенные черной тушью, смотрели ласково и совершенно бесстрастно. Черный глянец волос, уложенных в причудливую прическу, контрастировал с фарфоровой белизной лица. Из волос торчало несколько деревянных палочек, костяные гребни, и множество живых цветов – розовых и ярких фуксий, спускающихся длинной гирляндой по тугим, распущенным прядям.

«Что за диво-дивное? Наверное, это гейша, – подумал Владимир. – Но к ней нужен особый подход, уединенность. У меня никогда не было гейши. Не буду, же я ее при всех...»

– Владимир-сан может не стесняться. Я не гейша, я юдзэ[34 - Юдзэ – собирательное название проституток и куртизанок (но не гейш), существовавших на протяжении всей японской истории]. Правда, совсем недавно я получила почтенный ранг таю[35 - Таю – высший ранг дорогих японских проституток]. Со мной ты можешь без стеснения делать многое. У тебя такой могучий жезл, что Акеми без колебания выбрала именно его. Он будет моим талисманом и защитой от злых духов. Если бы мы оказались у меня на родине, я повела бы тебя в сэнто[36 - Сэнто – японская общественная баня] и

отдала бы подобающие почести твоему «священному жезлу». Здесь иные правила, – она поклонилась, маленькие ладони соединились в трепетный бутон. Воцарилось молчание, кроткий, восхищенный взгляд коснулся груди и живота обнаженного Владимира. Она старалась не смотреть на твердеющий член – он наливался свинцовой тяжестью и расправлялся прямо на ее глазах. – Оу, какой Владимир-сан сильный мужчина! – смущенно пролепетала она. Вишневые губы обнажили полоску зубов, покрытых золотистой, почти черной пылью. – Если господину угодно, пусть он свяжет меня и воспользуется своим священным правом. Акеми любит, когда ее связывают.

Японка снова поклонилась, тонкие ладони коснулись золотистого пояса кимоно, несколько ловких движений, и красный шелк соскользнул с узких, мальчишеских плеч. Обнажилась неразвитая девичья грудь, плоский живот, узкие бедра и худенькие ноги. В алебастровой белизне сомкнутых бедер топорщился кустик иссиня черных, густых волос.

– Владимир-сан, свяжи меня подобно морской звезде, и пусть твой ласковый угорь вползет в раскаленную раковину, – она протянула моток пеньковой веревки. – Только позволь вначале обмыть твоего резвого кальмара, прежде чем он ворвется в волшебные врата рубиновой пещеры.

Рядом с полуобнаженной японкой, на которой из одежды оставался лишь золоченый пояс и деревянные сандалии на высоком каблуке с тремя подставками, возник фарфоровый тазик с водой. Пахнуло чайной розой и миндалем. Холодные пальчики прикоснулись к натянутой плоти. Эти прикосновения напомнили трепет крыла садовой бабочки или дрожание полураспустившегося бутона бархатной фиалки. У Владимира снова пошел мороз по коже, и встали дыбом все телесные волоски.

– Ииии, – простонал он. – Акеми, милая, что ты делаешь со мной?

– Я лишь хочу обмыть твой славный жезл, мой господин, – прозвенел тоненький голосок.

Она взяла в руки торчащий сверх меры член, движением ноги подвинула таз с водой и принялась аккуратно и нежно обмывать раздутую головку и лиловый от возбуждения ствол. Владимир стонал от наслаждения. Через пару минут Акеми достала тряпичную салфетку и промокнула капельки душистой воды. Она

полюбовалась на чистый и вполне готовый к бою инструмент. Вишневые губки прикоснулись к блестящей головке.

– Как ты хочешь, чтобы я тебя связал?

– Раздвинь широко мои ноги и привяжи ступни к двум концам этой бамбуковой палки. – Владимир огляделся. В этом чертовом доме все предметы возникали прямо из воздуха. Рядом с японкой оказалась крепкая, длинная палка. – Я хочу, чтобы Владимир-сан мог хорошенько видеть рубиновые стены моей пещеры, а не только заросли у входа. Но перед этим Владимир-сан я попрошу тебя связать мои запястья над головой.

– Но разве тебе не будет больно, моя маленькая? – прохрипел возбужденный Владимир.

– Мне будет оччень, оччень приятно, – она улыбнулась темными зубами.

Он сделал так, как хотела смелая юдзё. Худенькие, белые ноги распахнулись так широко и легко, словно Акеми всю свою короткую жизнь служила балаганной гимнасткой. И Владимир увидел-таки ярко красную пещерку белолицей юдзё. Он вошел в нее с неземным наслаждением.

Владимир не понял, сколько времени он провел с прекрасной Акеми. Ему казалось, что вокруг них вырос высокий бамбук – целая бамбуковая роща, и сами они лежат на изумрудной и мягкой циновке. Замерли все звуки, зал, полный совокупающихся людей, уплыл куда-то в стороны и стал почти невидимым. Перед лицом Владимира была лишь страстная японка. Она морщилась, плакала от боли и захлебывалась от страсти, шепча ласковые слова. Он поворачивал ее то передом, то задом. Искушенная в любовном ремесле, маленькая юдзё подсказывала ему все новые комбинации страстных совокуплений с использованием веревки. Кроме этого в ее шелковом узелке оказался целый набор деревянных и каменных дилдо, коими она просила затыкать пустующие отверстия. В ход пошли деревянные прищепки, костяные крючья и кожаная плеть. Акеми любила получать удовольствие посредством боли. Они зашли так далеко, что худенькое белое тело его новой любовницы приобрело местами багровый оттенок, а рубиновая раковина распухла от множества прищепок.

– Акеми, нам нужно остановиться. Этому омуту не будет конца. Смотри, твое тело горит от порки и прищепок, – выдохнул Владимир после очередного оргазма.

– Как прикажет мой сильный господин, я ухожу... – прозвенел тоненький и немного разочарованный голосок Акеми. – Если Владимир-сан пожелает, я тут же появлюсь. Стоит тебе лишь подумать о маленькой юдзё, как я примчусь быстрее лесного ветра.

Не успел он опомниться, как Акеми накинула красное шелковое кимоно, собрала веревки, прищепки и другие атрибуты страстной любви. Мелькнул фейерверк ярких красок, звякнул серебряный колокольчик, воздух наполнился ароматом хризантемы. Раздался легкий хлопок, и юдзё исчезла. Пропала, словно мираж и бамбуковая роща.

После исчезновения японки, Махнев заново ощутил свое присутствие на всеобщей вакханалии – вернулись все запахи и звуки.

После нее к нему потекла вереница других соблазнительных женщин – рыжие, брюнетки, чернокожие, мулатки, азиатки...

Он сбился со счета – сколько раз его приап входил в разномастные: узкие и не очень, теплые и почти горячие, гладкие и волосатые, тугие и скользкие тоннели. Сбился со счета – скольких женщин он удовлетворил. Он лежал на многих, многие скакали на нем, он вставлял горячий, ненасытный ствол в разные отверстия и, казалось, был готовым удовлетворить все страждущие похотью, адские тела. Под конец член почувствовал влажное и нежное касание – это были губы робкого, смуглого юноши. А потом и рука светловолосого, широкоплечего «баварца» по-хозяйски потянулась за его детородным отростком... У него уже не было сил противостоять натиску всех сладострастников и собственному вожделению. Натруженный фаллос горел, как огонь. Усталые губы едва слышно прошептали:

– Хватит, господа... Это уже слишком. Я устал... от вашей любви. – И он тут же упал словно подкошенный. Вокруг послышались дикий хохот, визги, улюлюканье... А может, ему это мерещилось.

Владимиру чудилось – он погружается в глубокий обморок. Сознание потихоньку покидало изможденное развратом тело, а может, он просто засыпал. Этот странный, глубокий сон позволил отвлечься от адского вожделения. Он спал, но в то же время мог видеть все, что творилось вокруг. А вокруг продолжалась все та же всеобщая бурная оргия. Её накал нарастал: она становилась все более изощренной и бесстыдной.

Женщины визжали и извивались, подобно змеям, из разверзнутых ярко карминных губ вылезали раздвоенные жала. Мужчины скакали вокруг, словно толпа безумствующих сатиров. На минуту ему показалось, что это не люди, а сборище козлоногих и мохнатых бесов, ведьм и отвратительных чудовищ.

Одна из женщин, раздираемая безудержной похотью, широко открыла жадный рот, щелкнули острые зубы – пенис партнера был откушен. Несчастный взвыл от боли, обе руки старались прикрыть место, откуда фонтаном полилась кровь, то место, где еще недавно покачивалось внушительное орудие. Вся оголтелая толпа разразилась поощрительными возгласами в ответ на этот ужаснейший поступок. Как ни странно, ее жертва не стал долго горевать. Он тоже утробно заржал, немного дернулся, крутанулся на одной козлиной ноге, и на месте откушенного приапа вдруг появилось целых два. С торжествующим криком он кинулся на поиски коварной членовредительницы.

В другом конце зала Владимир увидел женщину без головы. Она двигалась навстречу кавалеру в бешеной любовной скачке, а ее голова лежала на ковре и моргала выпуклыми, голубыми глазами. У иных дам вдруг исчезли руки и ноги, а туловища удлиннились, превратившись в некие ящероподобные существа. Он увидел, что по залу стали летать отдельные фрагменты тел: волосатые руки совершали хватательные движения, оторванные головы шевелили языками и чмокали губами, глаза вываливались из впалых глазниц.

«Да что же это делается? – сквозь сон подумал Владимир. – Куда я попал? Господи, неужто ты не видишь всего этого срама? За что? Спаси меня, Боже!»

И в этот момент Махневу показалось, что чья-то невидимая ладонь ударила его по щеке. Удар оказался столь сильным, что голова мотнулась в сторону, хрустнули позвонки на шее, во рту появился солоноватый привкус горячей крови. Эта странная пощечина вывела его из глубокого сна. Туман рассеялся, все встало на свои места. Люди вновь обрели человеческие черты – исчезли козлиные морды и раздвоенные копыта. Перестали отваливаться части тел и

летать по огромному залу. Оргия продолжалась, но ее участники более не выглядели монстрами, они выглядели обычными людьми.

Он так и не понял, что происходит с ним: сон это, явь или грезы. Постепенно на смену усталости пришла необыкновенная легкость. Казалось: из тела ушел вес, и стоит только захотеть – он полетит. Владимир закрыл глаза, поджал ноги, оттолкнулся от пола и... взлетел. Он оттолкнулся так сильно что, не рассчитав силы, стрельнул в пространство огромной комнаты, словно бумажный снаряд из мальчишеской деревянной рогатки – голова ударилась об узорчатую лепнину высокого потолка. «Ух, как высоко! Надо бы опуститься ниже. Да и голове неудобно. Завис, как закорючка», – озаботился Владимир. Мысленно он постарался переместить центр тяжести к ногам. Странно, но это удалось – усилием воли он опустился на несколько локтей. Рассмеявшись от удовольствия, Владимир кувыркнулся в воздухе, перевернулся на живот и полетел в другой угол огромного зала, к старинному камину. Оказавшись возле него, он протянул ладони – пламя горело ярко, освещая рельефные изразцы и гляцевый лак паркета, но руки не чувствовали привычного, уютного тепла. Это был синеватый, холодный огонь. Он оглядел себя – теперь он снова был одет.

Ему почудилось – глазурь на изразцах стала ярче и живее. Блики огня играли на выпуклых рисунках. Владимир присмотрелся – маленькие квадратики каминной плитки изобиловали фривольными сюжетами: светловолосые, голые нимфы убегали от сатиров; те гнались за ними по лесным чащобам, трясая красными эрегированными приапами; томные барышни задирали подола пышных юбок, обнажая бутоны раздвинутых губок; brave солдаты приспускали штаны перед уличными торговками и манили последних в темные подворотни. И главное – все они были живые! Здесь тоже шла своя маленькая греховная жизнь. Взгляд Махнева скользнул вдоль сиреневых стен. На них тоже ожили сюжеты гобеленов и живописных полотен: пасторальные пастушки бесстыдно совокуплялись с пастухами, забыв о своих козочках и коровах; восточная красавица, охваченная пылкой страстью, отдавалась турецкому султану; вельможные дворяне короля разглядывали перси юной герцогини, а та, задрав пышную юбку, широко раздвигала ноги. Там было много других похотливых картинок. Владимир с трудом оторвал от них взгляд. Но то, что творилось в самом зале, завораживало еще больше. Владимир не задержался надолго возле причудливого камина.

Он парил в перламутровых струях и теперь уже бесстрастно наблюдал за тем, что делается внизу. Казалось, что все совокупляющиеся в беспорядке люди стали походить на живую лиловую массу или корни тропических растений – так

диковинно переплелись меж собой их разномастные тела. Зал будто стал еще шире – он выглядел, словно огромное зыбкое и бескрайнее поле, окутанное сиреневым свечением. Владимир отлетел к стене, расширенными глазами он созерцал эту грандиозную вакханалию. Она восхищала дерзкой бесстыдностью оголтелого сборища адских прелюбодеев и одновременно пугала – казалось, эти люди давным-давно сошли с ума и не могут, не в силах остановить всеобщее безумство. И безумством этим правит ужасная сила... Невидимый режиссер поставил этот спектакль, а теперь сидит в зрительном зале, наблюдая со стороны «плоды своего извращенного гения».

Владимир оттолкнулся от стены и полетел туда, куда его все время тянуло – в центр зала, туда, где стояла кровать Полин Лагранж – хозяйки дома, королевы сладострастников.

Муллаты исчезли. Полин лежала в одиночестве и потягивалась, словно сытая, холеная, хорошо откормленная, гладкая кошечка. Было видно: ее славно удовлетворили, и она могла теперь позволить себе нежиться в шелковой постели и дремать сладким сном. Вдруг мелькнула чья-то тень, и к ней прилег новый обнаженный красавец – стройный, длинноногий мужчина с великолепной фигурой и светлой кожей. Полин настолько обрадовалась гостю, что распахнула навстречу ласковые руки, с губ сорвался благоговейный восторг. Каштановая кудрявая головка притулилась к груди нового любовника. Полин так трепетно прижималась к незнакомцу, что Владимир невольно позавидовал ему.

Мужчина приподнялся на локте, голова, покрытая русыми с легкой рыжиной локонами, склонилась над Полин. Любовник нежно и страстно целовал хозяйку в губы и шептал что-то на ухо – она все розовела, карие глаза закрывались от истомы. Ее снова охватило вождеделение. Ладонь незнакомца сжала упругую грудь, а позже спустилась ниже, длинные пальцы проникли во влажное лоно. Бедрa красавицы дрогнули и двинулись навстречу. Русоволосый мужчина на минутку замер и приподнял лицо, мелькнула знакомая острая бородка. Это был Виктор! Его пристальный взгляд скользнул по Владимиру, барахтающемуся где-то под потолком. Демон подмигнул и лукаво рассмеялся, обнажив ровные, белые, почти волчьи зубы.

В тот же миг дрогнуло пространство. Нежно-сиреневые краски потемнели, кобальтовая синева густым туманом потекла на середину. Кровать, на которой лежала Полин, зашаталась. Из-под нее вырвалось пламя. Ровные, яркие языки огня обрамляли ее со всех сторон. Но это обстоятельство ничуть не смутило ни

Полин, ни Виктора – они сплелись в еще более страстных объятиях. Прямо над их головами ожил лентообразный, деревянный орнамент прикроватной спинки. Не просто ожил, он превратился во множество живых змей. Скользя холодными разноцветными спинками, змеи ползали над телами двух любовников, сплетались в кольца и сверкали длинными, раздвоенными жалами.

Какой-то странный вихрь подхватил нашего любопытного героя, стукнул плечом об косяк и вышвырнул в длинный, пустой коридор. Позади с шумом захлопнулась дверь. И в этот самый момент он услышал дикий, почти звериный крик и стон Полин. Это был крик такого страстного и длительного оргазма, что у нашего героя заложило уши. Он вообще ни разу не слышал, чтобы женщина именно так кричала от страсти. Даже стены содрогнулись от этих звуков.

Он медленно полетел дальше, потирая ушибленное плечо. Надо было улетать из этого дома. «Погостили – пора и честь знать. Достопочтенные хозяева, не надоело ли вам столь долгое присутствие гостей?» – думал Махнев, летя по длинному коридору. Его охватило чувство раздражения и легкой обиды: «Полин даже не соизволила ко мне подойти. Смотрите-ка, она занята... Конечно, разве ей до меня?»

«А куда я, собственно, спешу? Если хозяйка по уши занята развратом, то что же делают другие обитатели этого странного дома? Где же, танцующие менуэты, благородные господа? Где юные ученицы и ученики?» – внезапно вспомнил Владимир и залетел в первую открытую комнату.

Это была комната, похожая на ученический класс. Та самая комната, где некоторое время назад Владимир видел строго учителя с мелом возле доски и двух юношей, склоненных над тетрадями. Ученики и учитель были на месте... Но, что они делали!

Суконные штаны учеников были приспущены ниже колен, рубахи и вовсе отсутствовали, сами юноши лежали ничком на ученических партах. Их алебастровые мелкие ягодицы круглились упругими беззащитными полушариями. Худенькие, узкие спины с выпуклой цепочкой позвонков, тонкие шеи, вихрастые затылки – все выдавало покорность и полное подчинение. Напротив них стоял учитель – этот крепкий и рослый мужчина с тонкими губами, орлиным носом и волевым подбородком. Он, в отличие от юношей, был одет. На нем все также, спускаясь книзу широкими фалдами, красовалась профессорская, длинная мантия. Лицо учителя покраснело, светлый парик съехал на затылок,

глаза горели лихорадочным огнем... Его рука сжимала длинную розгу. На полу, недалеко от стола стояло ведро с пучком размоченных прутьев.

«В чем они провинились – эти старательные, скромные юноши? Неужто они посмели шалить или не выучили урока? – рассуждал Владимир, – или это обычная ситуация? Может, он сечет их ежедневно в назидание и усмирение гордыни?»

Мелькнула розга, в воздухе раздался свист – разящие удары градом посыпались на ягодички обоих учеников. Старательный экзекутор наносил пару ударов одному юноше – тот вскрикивал, белые полушария вспухали красными рубцами, затем он уделял такое же внимание другому. Удары розги падали то резко, то с некоторой изуверской оттяжкой. Юноши вскрикивали, дрожали, все плотнее сжимая ягодички. По мере того, как продвигалась порка, мужчина отчеканивал резкие фразы по-немецки. Владимир не разобрал толком, что он произносил. Но заметил другое: темная мантия учителя оттопырилась в нижней части живота. Она не только оттопырилась – сквозь широкую прореху показалось внушительное, красноватое орудие. Ученый немец задышал часто и глубоко. Он прекратил порку, юноши стояли покорно, все в тех же, унижительных позах.

Владимир висел в воздухе и пристально наблюдал за происходящим. Его присутствие не смущало ни строгого учителя, ни учеников – он был для них невидим.

Красная от работы ладонь немца полезла в боковой карман. Мгновение – и в руках показалась круглая серебряная коробочка. Толстые пальцы, дрожа от нетерпения, открутили крышку. Блеснуло содержимое – это был какой-то желтоватый, пахучий жир. Учитель подхватил небольшую порцию жира и склонился над телами учеников. Владимир догадался, в чем дело: настойчивые руки профессора коснулись сжатых юношеских ягодичек...

– Meine liebsten Jungs, sie sind so artig, ich komme zu euch![37 - Мои любимые, послушные мальчики, я иду к вам (немец.)] – бормотал он, глаза горели похотью.

Учитель откинул полы мантии. А дальше началось такое, что вначале вызвало у Владимира чувство сильного любопытства и знакомой тяжести в паху. Ему даже показалось, что эта тяжесть снова потянула его к полу. Падать не хотелось, ему нравилось чувство полета. Кроме вожделения, Владимир ощутил некоторую

болезненность.

Сказывалась предыдущая оргия. «Надо сдержаться. Полечу-ка я дальше. Пусть этот похотливый ученый сухарь балует свою извращенную плоть. Не высока ли плата за полученные знания?» – с сарказмом думал Владимир и поглядывал на худенькие, приклоненные тела юношей.

Но те не сопротивлялись... Они шли навстречу причудам своего учителя. В какой-то момент Владимиру помстилось, что все трое – вовсе не люди, а козлоногие сатиры, потешающиеся реакцией гостя.

Владимир поднялся выше, тело вновь стало легким. По этой комнате тоже заструился сиреневый свет. Пространство вздрогнуло, завибрировало, из углов слышался влажный шепот и шумное дыхание. Владимир поспешил к выходу. Он чуть замешкался возле двери – голова оказалась выше дверного проема. Он опустился ниже, лег на живот. Это было похоже на плавание в морских соленых волнах. Воздух необычного дома позволял ему летать и резвиться в пространстве. Он хотел было покинуть странный класс, как вдруг боковое зрение уловило некое шевеление в противоположном углу.

Там на небольшом постаменте стояло довольно крупное чучело желтобрюхого нильского крокодила. Вдруг крокодил пошевелил короткой шеей, открылись желтоватые в крапину глаза и тут же снова закрылись тонким кожистым веком, клацнули мощные челюсти, пасть захлопнулась и вновь распахнулась во всю ширину. У Владимира по спине пробежал легкий холодок – такими огромными показались нечистые зубы зловещей рептилии. Крокодил поднатужился, уперся короткими лапками и, шевеля длинным и толстым хвостом, слез с металлического штыря, поддерживающего его грузное тело. Хвост, покрытый костяным гребешком, дрогнул, и крокодил неуклюже плюхнулся на паркетный пол. Раздался звук падающего с высоты тяжелого мешка, набитого мокрым песком. Крокодил постоял пару минут, глядя вокруг немигающими ореховыми глазами, мощно шевельнул корпусом, желтое брюхо скользнуло в середину комнаты. Там остановился, снова осмотрелся и замер. Казалось: крокодилу безразличны все присутствующие.

Учитель истово пыхтел возле тел услужливых учеников, те мычали что-то нечленораздельное, изредка всхлипывали. Он возбужденно выкрикивал короткие немецкие фразы, грубо и сладострастно одобряя своих «птенцов». «Он докричится, – озаботился Владимир. – Сейчас эта «гадина» сожрет всех троих.

Но сначала она откусит его красный жадный инструмент. Будет знать, как злоупотреблять своей властью над юными, неокрепшими душами. Гадкий содомит!»

Как ни странно, коричневая клетчатая «гадина» не обратила никакого внимания на такие близкие и явно удобные жертвы. Крокодил еще раз моргнул, острая морда поднялась к потолку, взгляд рептилии задержался на Владимире. «Отчего он так на меня смотрит?» – с тревогой подумал Махнев.

Крокодил встрепнулся, огромный хвост изогнулся и ударил по паркету, короткие когтистые лапы приподняли мощное тело, и... крокодил вдруг очень быстро побежал. А побежал он в сторону Владимира, висящего возле дверного проема, примерно в трех локтях от пола. Все произошло слишком быстро – Владимир едва успел взлететь повыше – он снова больно стукнулся о верхнюю, потолочную балку. Мощные челюсти клацнули где-то внизу. Мало клацнули, крокодил стал подпрыгивать на месте, пытаясь дотянуться до носка Владимира. Его оскал был настолько зловещим, что Махнев пожалел о собственной беспечности. «А если внезапно закончится мой сонный полет, и я паду в открытую пасть этому монстру?» – с ужасом рассудил он. У него взмокла спина.

На миг показалось – он стал тяжелее, его неумолимо тянуло к полу. «Надо собраться с мыслями, отбросить сомнения, надо усилием воли взлететь повыше. Я не боюсь. Я не боюсь. Это – всего лишь сон. Это – не настоящий крокодил, это – чучело», – думал он, дрожа от страха.

Но крокодил не разделял его «радужных надежд». Наоборот, ужасная рептилия стала подпрыгивать все выше. Ее зубы поцарапали каблук сапога, из пасти пахло зловонной гнилью. Владимир крепко зажмурил глаза, взялся за дверной косяк и с большим трудом вылетел из комнаты в коридор. Позади раздался гул и свист, комната наполнилась густым темно-синим светом, замерцала, а потом и вовсе потемнела. Паркетный пол дрогнул, середина обвалилась, образовались широкие трещины, как во время землетрясения. Трещины бежали очень быстро, издавая глухой, грозный треск, крошились деревянные узоры мозаичного паркета, щепки со свистом улетали в жуткие разломы. Трещины все ширились, обнажая угольно-черную пропасть – из нее показались языки яркого огня.

Мебель, парты с голозадыми учениками и учителем-извращенцем, толстые книги, школьная доска с цифрами, цветной глобус, гусиные перья, микроскоп – все полетело в черную дыру, из которой бушевало пламя. Последнее, что

свалилось в пропасть – был профессорский парик и стеклянные химические колбы. В ушах Владимира еще долго стоял звук разбивающегося о камни стекла. Такой же звук, если бы с высокой кавказской горы сбросить поднос с хрустальными фужерами.

Владимир завис в коридоре и тяжело дышал, а за порогом комнаты стояла густая темнота, озаряемая всполохами адского огня. И вдруг среди полной тишины раздался шорох и скрежет когтей о камни. Секунда, и над обрывом показалась острая, чешуйчатая крокодильи морда и две когтистые лапки. Крокодил уцелел! И не только уцелел, он упирался конечностями, крутился и помогал себе мощным хвостом – он пытался вылезти из темной дыры на торчавший изломом, порог.

Тут Махнев не стал долго рассуждать. Перспектива быть сожженным взбесившимся чучелом была ему явно не по душе. Рука решительно взялась за ручку уцелевшей двери, он уперся плечом и с силой захлопнул тяжелую дубовую дверь. Послышался глухой удар, некоторое сопротивление, скрежет когтей, а после звук, который напомнил падающее с обрыва, тяжелое бревно.

Минут пять или десять прошло с тех пор, как Владимир распрощался с чучелом. Он сидел на корточках в пустом коридоре. Вокруг не было ни души. Кобальтовый туман сочился из-за плотно закрытой двери и оседал по паркетному полу влажными пятнами.

«Смогу ли я снова летать?» – рассеянно подумал он и расправил затекшие ноги. К великой радости его тело вновь стало легче, будто кто-то надул в животе воздушный шарик. Владимир оттолкнулся и завис на высоте двух локтей. До слуха долетела музыка. Это был не менуэт и не величественная павана. Это были веселые звуки: визжали нежные скрипки, гудели озорные волынки, серебряными голосами им вторили флейты и рожки, залихватски бухали литавры и барабаны.

Владимир поспешил навстречу бодрой мелодии. Пред ним открылся огромный зал. Тот зал, где некоторое время назад знатные вельможи с придворными дамами горделиво исполняли менуэт. Сейчас они вытанцовывали веселую гальярду[38 - Гальярда (gagliarda, итал. веселая, смелая, бодрая) – веселый, оживленный старинный танец романского происхождения конца 15–17 веков.]. Пары красовались друг перед другом сложными, почти виртуозными движениями – прыжками, подскоками, ножными пируэтами, «журавлиными

шагами». Часть танцоров прятала лица под таинственными, разноцветными, остроносыми масками, украшениями из перьев и прочей карнавальная мишурой.

И все бы ничего, если бы не одежда танцующих, а вернее – частичное отсутствие последней. У некоторых дам распустилась передняя шнуровка плотных корсетов, выпустив на волю аппетитные, белоснежные груди с яркими сосками. Эти холеные, ничем не сдавливаемые шары подпрыгивали при каждом танцевальном движении, обнажились также руки и покатые плечи. Другие дамы танцевали в корсетах, но... без юбок. Ниже корсетов красовались широкие батистовые панталоны и крепкие ножки, облаченные в шелковые чулки и миниатюрные туфельки с позолоченными пряжками и искусственными цветами. Сквозь тончайшую, ажурную батистовую ткань и алансонский гипюр просвечивали круглые, широкие зады разгоряченных танцем, попрыгуний – они соблазнительно подрагивали от прыжков и пируэтов. Когда танцовщицы поворачивались передом, ниже округлых животов упруго топорщились кустики темнеющих волос. Кавалеры не сводили горящих глаз со своих партнерш. Один разудалый танцовщик подпрыгивал на месте, словно бешеный журавль, и вдруг встал как вкопанный – его дама нечаянно разорвала жемчужную нитку и изящно нагнувшись, решила подобрать жемчуг с паркетного пола. К ней на помощь пришло еще несколько дам в панталонах. Владимир и сам с удовольствием лицезрел манящие булочки приклоненных баловниц. Тонкая ткань не прикрывала темную сердцевину волнующих полусфер.

Версальские кавалеры перестали танцевать, их взгляды устремились на «искательниц жемчуга». Дамы нарочно подбирали бусинки так, чтобы покрасоваться оттопыренными попками и узкими талиями в корсетах. Надо сказать, что и сами кавалеры-живчики не отличались полной экипировкой. Только сейчас Владимир обнаружил, что большинство из них уже скинули гильфики и нижнюю часть пышной амуниции. И теперь их внушительные орудия торчали в полной боевой готовности, выглядывая тупыми розоватыми нашлепками из-под камзолов и коротких плащей.

Одна корпулентная дамочка наклонилась слишком низко, пухлая ручка потянулась за жемчужиной, закатившейся под столик с фруктами – ткань тонких панталонов треснула от натуги, и удивленным зрителям предстал роскошный розоватый зад. Дамочка ойкнула, покраснела, свободная рука прикрыла внушительную прореху, но раздался повторный треск – панталоны разъезжались по швам. Шалунья попыталась встать – но это плохо получалось. Она была полненькая и неуклюжая. Ее смущенный и беспомощный взгляд остановился на

кавалере – невысоком коренастом мужчине с усами и бородой. Но тот и не подумал подавать ей руку. Он бухнулся рядом, сильные волосатые руки ухватились за пышные бедра толстозадой егозы. Та и охнуть не успела, как он сорвал остатки тонкого батиста, эрегированный крупный фаллос с завидным упорством прорвался к месту своего прямого назначения. Послышалось пыхтение и оханье аппетитной толстушки.

Все остальные участники «придворного балета», молча, наблюдали за сценой прелюбодеяния двух вельможных господ. Руки многих мужчин потянулись к талиям и задкам рядом стоящих, баловниц.

Вдруг на середину зала вышел высокий мужчина в светлом парике и длинном камзоле, расшитом золотыми галунами. Это был – церемониймейстер. Он стукнул по полу длинным узорчатым скипетром.

– Вельможные дамы и господа, минуту внимания, – прозвучал торжественный голос, – двое из наших гостей раньше времени предались плотским утехам. Не будем им мешать. Готовое пролиться – пусть прольется; готовое взять семя – пусть похвалу воздаст и будет плодородным. Танцуем фарандолу[39 - Фарандола – провансальский народный танец в быстром темпе, известный с 15 века. Танцующие держат друг друга за руки, образуя цепочку и, следуя за ведущим, движутся по залу, исполняя самые разнообразные движения.] – наш последний танец. Распоряжение ее Величества: кто проходит круг, тот может предаваться сладкому соитию. Пусть меч последнего, ворвавшись в лоно ножен, замкнет весь танцевальный круг.

Послышался гул одобрения, яркие улыбки вспыхнули на лицах тех дам, которые были без масок. Ударили литавры, запиликали скрипки и валторны. Невидимый оркестр заиграл веселую фарандолу. Церемониймейстер кинул газовый платок ведущему танцору, и все пары в быстром темпе, взявшись за руки, пустились в залихватский пляс. Этот танец напоминал игру в «ручеек» или причудливую цепочку.

Владимир парил над танцующими. Ему нравился этот живой, заразительный танец. «Эх, может отбросить все приличия и присоединиться к веселым вертунам?» – подумал он, и решил было опуститься на пол. Но в последний момент отчего-то передумал: «Пожалуй, не стоит. Кто их знает, примут ли они меня в свое общество? Ведь я даже никем не представлен. Да и наряд у меня не подходящий для бал-маскарада. Как-нибудь в другой раз».

Но и танцующие не стали слишком долго утруждать себя фарандолой. Владимир присмотрелся к веренице «версальских топтунов». Теперь все дамы и кавалеры двигались по паркету полностью в обнаженном виде. «Быстро же они разоблачились, черт возьми! Куда только испаряется вся одежда в этом бесовском доме?» – размышлял он с раздражением. – Гляди-ка, засверкали телесами... Голозадые срамники. Мудя скачут, аж прихлопывают. А бабищи-то ихние, вон какие сытые попрыгуньи... Титьками пудовыми трясут – хоть бы постеснялись. Не дамы, а потаскухи. Фу, смотреть противно».

Первая пара танцоров, проскакав круг, шумно и тяжело дыша, повалилась прямо на пол.

Дородная девица подняла толстые ляжки и впустила в себя внушительный член своего солидного партнера. И пошел совсем иной танец. Полные руки женщины обняли любовника за поясницу. Она притягивала его к себе с такой силой, что мужчина утопал в ее пышном лоне. Рядом с ними упала другая пара, потом третья, четвертая..., весь танцзал теперь был полон совокупающихся придворных вельмож.

Одна из дамочек – рыжеволосая, курносая шалунья – встала на четвереньки и подняла довольно увесистый белокожий зад, выпустив на волю кустики курчавых волос, две половинки выпуклых, словно персик упругих губок и анус цвета спелой клубники. Именно этот яркий анус, выставленный напоказ без всякого стыда, свел с ума крупного мужчину в светлом парике. Он давно искал глазами подходящую пару. Увидев предлагаемое сокровище, он силой оттолкнул других претендентов на клубничную сочность смелой толстушки и примостился рядом. Женщина вскрикнула и застонала от сладкой боли.

«Ага, не будешь подставлять, – с легким злорадством рассудил Владимир. – Кто тебе сказал, что все мужчины будут деликатны? Ты бы вначале посмотрела, что у него между ног, прежде чем подставлять свой нежный зад».

Хорошенькая, смуглая брюнетка решительным движением сбросила с себя светлый парик, маску из перьев и узкий корсет. Босые ножки прошлепали к мозаичному столику с фруктами. Владимир невольно залюбовался ее распущенными темными локонами, упругим задом и подрагивающей грушевидной грудью. Она ловко убрала вазу и, освободив себе место, улеглась прямо на стол. Стройные ноги раздвинулись довольно широко, обнажив четкий

треугольник иссиня черных волос, покрытых скользкой влагой. Брюнетка закатила глаза, из смуглой груди вырвался призывный стон. На этот стон и бесстыдную позу раздвинутых ног откликнулись сразу трое. Возле столика образовалась легкая возня, похожая на потасовку. Победил сильнейший. Это был довольно крупный рыжий красавец с курчавой бородой и огненной шевелюрой. Сильные руки притянули брюнетку еще ближе к краю стола, мужчина крякнул и вогнал свое орудие так глубоко, что смуглянка протяжно застонала.

Владимир поднялся выше – он парил прямо под потолком. Как и в предыдущих комнатах, пространство зала стало мерцать сначала сиреневым свечением, а после темно-синий кобальтовый туман густо заструился из углов к середине. В уши вливался влажный шепот и сладострастные вздохи.

«Как-то я стал уставать от их выходок... Хоть бы какое-то разнообразие внесли. Вместо всеобщей оргии взяли бы... и лекцию научную прослушали, – ему стало смешно, – или... книжки умные почитали, вот, к примеру, Псалтырь...» – Владимир расхохотался и кувыркнулся в воздухе.

В ответ на «крамольные мысли» какой-то сильный вихрь закружил его, словно волчок, и пару раз потрянул так, что Махнев испугался за сохранность собственной головы. А после этот же невидимый вихрь выпнул его в коридор, стукнув лбом об пилястру. Дубовая дверь танцзала с шумом захлопнулась. «Однако как я не осторожен. Хорошо еще, что не надумал отправить танцующих шалунов в собор на литургию или в монастырь на покаяние, – рассуждал он, потираяшибленную, в который раз, голову. – Нет, нет! Я не думал даже об этом. Глуп я – вот и болтаю, что ни попади. Прошу простить великодушно за гаерство моё». Владимир мысленно оправдывался перед невидимым распорядителем его души. Но он лукавил. Не оправданий он хотел. Он словно бы бросал дерзкий вызов. Но вот кому? И имел ли он право? «Не слишком ли я обнаглел?» – подумал он с долей тревоги. Ответом была полная тишина длинного коридора. – «Значит, еще не слишком». Владимир отряхнулся и полетел дальше.

Позади раздался сильный грохот, похожий на горный обвал. «Однако что-то слишком хлипкие в доме полы. Куда не сунься – всюду обвалы. Неужто и эти «голозадые виртуозы» улетели в пропасть? Жаль, очень жаль. А танцовщиц как будет не хватать! Отменные были тетки: телеса холеные и плясали недурственно».

«Где-то здесь была славная комнатка с юными чаровницами, что брали уроки танцев. Неужто и эти нежные создания находятся в плену жаркого греха? А этот пожилой господин, учитель танцев? Неужели и он, потеряв честь и достоинство, польстился на перси молодых прелестниц?» – Владимира разбирало жуткое любопытство.

Он угадал! Девицы – эти, на вид неопытные, совсем юные создания уже не разучивали танцы. Владимир застал их за другим занятием... Клавесин молчал, нотные листы веером разлетелись по полу. Встав кружком, молодые вакханки приподняли пышные юбки. Под юбками не было даже панталон. Восхитительно стройные ножки, облаченные в кружевные чулочки на подвязках, молочной белизны колени и едва распустившиеся бутоны маленьких губок, покрытых первым пушком – вот, что увидел Владимир. Это зрелище ему сильно понравилось. «Эх, ежели бы я сегодня не ухагал своего коня, то с удовольствием бы прокатился на одной из этих необъезженных кобылиц или на нескольких сразу. А что? Славная бы скачка получилась. Как я люблю пуховую зелень молодых лужков. Возможно, они девственницы? – размечтался он и тут же осекся, – вот дурак, откуда в аду девственницы? Все девственницы в других, весьма отдаленных отсюда местах... Хотя, кому ТАМ, наверху нужна их девственность? Кто ТАМ сумеет оценить сладость зеленого плода? Вот тебе, Володя, новая загадка, новый, так сказать, парадокс. Опять я философствую. Однако вернемся к нашим юным кобылицам».

А юные «кобылицы» не просто задрали юбки – они вызывающе демонстрировали свои альковные красоты престарелому сладострастнику. Учитель танцев, стоя на коленях, пристально рассматривал нежные лепестки плоти, его морщинистая рука держала оптический монокль. Рука тряслась от возбуждения, учитель кряхтел, пускал слюни, сизые губы тянулись к девичьим бутончикам. Девицы фыркали, пересмешничали и нарочно дразнили старого дуралея откровенным позами. Одна из девушек чуть больше раздвинула ножки, другая повернулась восхитительным задом и наклонилась вперед, третья обнажила маленькие груди, четвертая присела на корточки так, словно собиралась пописать...

Ладонь учителя потянулась к прелестям той, чей пирожок распахнулся шире других, обнажив розовенький, упругий клитор. Старый сладострастник положил указательный палец на припухшую от возбуждения плоть, и принялся ласкать клитор быстрыми, порывистыми движениями. Девушка закатила глаза, стон наслаждения сорвался с алого, раскрытого рта. Она легла на диван и раскинула ноги еще шире, изящная ручка притянула старика за шею. Учитель замычал,

захлебываясь от сладкого нектара, текущего из лона возбужденной нимфоманки. Одновременно с этим он попытался приспустить собственные панталоны. Девушка уловила его неловкое движение и решительно отстранилась, пухлые губы скривились в презрительной усмешке. Ее колени сомкнулись, лишив сладострастника любимого занятия. Она обратилась к рядом стоящей подруге. Та поняла ее просьбу и легким движением отодвинула надоедливую старика. Прелестницы расположились удобнее и принялись ласкать друг дружку тоненькими, умелыми пальчиками и горячими молодыми языками.

Обескураженный учитель танцев застонал от горького разочарования, сизые губы шептали слова укора и непомерной обиды, по желтым щекам бежали мутные слезы. Он взывал к девушкам так, словно был голоден и просил подаяния. Но те были равнодушны к его жалким просьбам, они лишь хихикали, глядя на стариковские барахтанья.

Старик приспустил панталоны и вытащил вялое, белесое орудие. Трясущаяся рука принялась энергично дергать неприглядный отросток, пытаясь привести его в боевую готовность. Но все усилия оказались тщетными.

Владимир внутренне содрогнулся от мысли, что и с его упругой плотью может когда-нибудь случиться нечто подобное. – «О, как природа равнодушна к мольбе о твердости приапа. Красотка юная смешлива – ей непонятна боль утраты».

Внезапно учитель упал на пол и забился в «падучей» – у старика не выдержали нервы. Из кривого, впалого рта полилась пена, руки и ноги содрогнулись от жутких конвульсий, бесцветные глаза молили о помощи.

Девушки не бросились к нему, взгляд ангельски-голубых глаз сделался холодным и равнодушным. На лицах появилось брезгливое выражение. Одна из них принесла свой маленький, расшитый бисером ридикюль, и извлекла оттуда довольно внушительных размеров дилдо. Остальные девицы захлопали в ладошки. А дальше началось такое, что привело Владимира к удручающе правдивой мысли – юные создания были далеко не девственны. Появилось еще несколько деревянных фаллосов и толстая восковая свеча. Все эти предметы были пущены в ход. Юные нимфоманки скинули юбки и корсеты. Нежные ручки ласкали груди своих подруг, раздвигались ноги, облаченные в шелковые чулочки и кремовые туфли, дилдо с легкостью исчезали в скользких горячих норках. Девочки ласкали друг дружку губами и тонкими пальчиками, их

полуобнаженные тела дрожали от страсти, нежные груди сотрясались от сладких оргазмов.

Учитель танцев перестал биться в болезненном припадке и смотрел на учениц застывшим, мертвым взглядом. «Может, старик умер?» – озаботился Махнев. Одна из девушек оторвалась от любимого занятия и повернула голову к учителю. «Ну вот, хоть одна вспомнила о старом сладострастнике. Все-таки, он – их учитель. Сейчас она поднимет старика, даст воды», – надеялся Владимир. Он отчего-то проникся острой жалостью к этому немощному, старому человеку. Но его надежды не оправдались. В руках девочки неизвестно откуда оказалась льняная простыня. Ей она и закрыла сухенькое тело учителя, его мелкую, седую голову со стеклянными глазами. Парик учителя валялся рядом. «Они прикрыли его так, как прикрывают хладный труп. Что за жестокие создания! Такие милые мордашки и нежные тела, и такие каменные сердца. Хотя... о чем я? Возможно, старик получил по заслугам. Не он ли их развратил?»

Синий густой туман постепенно охватил своим покровом и сладострастных девиц. Теперь все они были полностью обнажены. Как ни странно, в комнате снова зазвучали чарующие звуки фламандского клавесина, к нему присоединился орган. «Мило и трогательно: юные развратницы ублажают себя под звуки удивительной мелодии. Похоже, это – концерт Баха», – подивился он. В синем свечении юные тела выглядели столь обворожительно, что Владимир стоял, потрясенный плавными линиями тел хорошеньких нимфоманок. Текущая синева меняла свои оттенки от легкого, перламутрового лазурита и аквамарина, до почти вайдовой и дымчатой, антрацитовый черноты. И этот свет более не напоминал туман, он обволакивал тела прозрачными струями, похожими на морскую воду, а серебристые звуки мелодии создавали особую торжественность, граничащую с душевным умилением. Ко всему прочему, откуда-то с потолка пошел снег. Он падал медленно и мягко. Крупные хлопья покрывали тела девушек белым саваном. Владимир присмотрелся: оказалось – ученицы спят, утомленные любовной игрой. Их маленькие головки уткнулись в нежные плечи друг друга, голубые глаза прикрылись длинными, бархатистыми ресницами, изящные носики заострились – девушки спали так крепко, словно умерли. В них не было и признака жизни. Хлопья снега густо запорошили бледные лица. Казалось, что это – не девушки, а фарфоровые куклы или манекены, сваленные в кучу нерадивым декоратором. Окаменели не только лица, каменными и неестественно жесткими выглядели длинные руки и ноги. Владимиру стало не по себе: «Неужели им не холодно? Может, они и вправду мертвы? Почему не видно даже признаков дыхания? Но как они прекрасны...»

«Господи, как я устал! – выдохнул Владимир. Его ноги стояли на полу. Рука взялась за ручку двери – медленно, со скрипом закрылась и эта, последняя комната. – Глупец, зачем я имя Господа припомнил? И где? – горькая усмешка скривила губы. – Господь меня не слышал и при жизни. Неужто тут меня услышит – сквозь толщи адových препон? Как не разумен я в суждениях. Я просто сильно утомлен».

Он действительно почувствовал смертельную усталость. «Надо выбираться из этого странного дома, – рассуждал он. – Кстати, а вот и выход». Он хотел было открыть входную дверь, но вспомнил о свирепых стражниках – капских львах.

«Интересно: а эти киски окаменели или рыскают в поисках добычи? Не хотелось бы под конец моего пребывания в гостях, попасть в зубы к этим усатым милашкам», – озаботился Владимир. Он подошел к двери, рука сжала массивную бронзовую ручку, дверь поддалась. Махнев не стал раскрывать ее широко – он приоткрыл лишь маленькую щелку и выглянул на улицу. Почти рядом с дверью показался толстый светло-коричневый хвост, увенчанный шерстяной кисточкой... И этот хвост шевелился и постукивал о мраморный пол портика. Раздался раскатистый, похожий на небесный гром, звериный рык – Владимир захлопнул дверь. Сердце вновь забилося от липкого страха.

«Господи, боже мой, ну что за зверский дом! Ну, сколько можно меня пугать? Виктор обещал меня опекать, а сам оставил на произвол судьбы. Ни тебе хозяйки, ни слуг – все куда-то проваливаются к чертям собачим, а меня то и дело пытаются сожрать всякие монстры. Едва от крокодильчика отвязался, как эти доисторические чудища преградили путь!» – злился он. От обиды закипали слезы. Вдруг взгляд упал на высокое боковое окно в передней: «А что, если выбраться через него? Возможно, эти киски не увидят меня, и я огородами добегу до своего дома».

Он подошел к окну и потянул за ручку узорчатой рамы – окно с легкостью распахнулось. Владимир заглянул вниз – высокогато, но внизу, к счастью, не было ни души. Он решил тихонько спрыгнуть. Как только ноги коснулись земли, пятым чувством он ощутил неладное. За спиной кто-то был... Владимир медленно повернул голову – на него смотрели зеленоватые львиные глаза! Одна из хитрых кошек обежала дом с боковой стороны и готовилась к страшному прыжку. Лев находился на расстоянии шести шагов: он пригнул черную гривастую морду, усы и лапы чудовища были перепачканы свежей кровью. Железные мышцы напряглись, хвост подрагивал от предвкушения легкой

добычи.

Владимир похолодел от страха – бежать было некуда. Он знал, что гигантский лев догонит его в два прыжка. Ватные ноги не позволяли сделать и шага. Махнев крепко зажмурил глаза – хотелось, чтобы лев исчез, чтобы он оказался миражом или эпизодом кошмарного сна. Если бы это был сон, то в подобной ситуации он бы поднатужился и вновь взлетел. Владимир набрал в грудь воздуха, поджал ноги и... оттолкнулся от земли. Все произошло слишком быстро – лев клацнул ужасной пастью, пахло кровью – но Владимир был уже слишком высоко. «Какое это счастье – что я научился летать, – ликовал он, вздох облегчения вырвался из груди. – Накася, выкуси, хитрая морда!» – Махнев торжествовал.

Он открыл глаза – внизу мелькнула желтая спина разочарованного хищника. Лев потрусил к входной двери злополучного дома. Там его поджидал второй монстр. Перед ним лежала грудка окровавленного мяса. Львы раздирали довольно крупную тушу. «Надо же, какие жадные! У самих столько еды, а им все мало», – он висел в воздухе, примерно, на высоте второго этажа и наблюдал за львиной трапезой. Среди кровавого месива мелькнул кофейный лоскуток. Махнев содрогнулся от ужасной догадки. Что они едят? Вернее кого? Он присмотрелся – предчувствия не обманули. Крепкие зубы монстров разрывали человеческое тело. Это было тело одного из кофейных красавцев. Несчастный мурын, который некоторое время назад ублажал хозяйку дома, попал на съедение этим жутким тварям. «А может, они сожрали всех четверых? Какая страшная участь! А может, Полин Лагранж – эта нимфоманка и сладострастница приказала скормить хищникам своих очередных рабов? Может, она умерщвляет каждого любовника, как царица Тамара? Мне не разгадать этой жуткой тайны. Надо лететь домой, подальше от этого гиблого места».

Он отвернулся от львиного обеда, его мутило от вида и запаха человеческой крови. Мраморный портик с колонами выглядел теперь, словно жертвенный алтарь. С ровных ступенек текли красные потоки и моментально впитывались в зеленый газон. «Сейчас я миную этот «эдемский сад», фонтан с золотыми рыбками – а там уже недалеко и выход. Скорее, скорее за калитку. В гостях – хорошо, а дома – лучше», – рассуждал Махнев, торопясь покинуть поместье Лагранж.

Внезапно воздух загустел, и Владимир завис над парком. Он попытался преодолеть эту липкую густоту, шевелил ногами, махал руками, словно

крыльями – его свободный полет сильно затормозился. Теперь он не летел, а скорее висел в воздухе. Было такое ощущение, что его, как тряпичную марионетку, подвязали за тонкие невидимые нити. Он трепыхался, тужился, пытался сопротивляться – но оставался на месте. Наоборот – зловещий кукловод решил немного поиграть со своей игрушкой. Невидимые нити напрягались – шевелились руки и ноги. Его крутили и вертели – он кувыркался в воздухе и скакал, словно резиновый мячик.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Фома Аквинский (1225–1274) – философ и теолог, систематизатор ортодоксальной схоластики, учитель церкви. Концепция семи смертных грехов получила распространение после его трудов.

2

Григорий 1-й Великий (ок.540–604) – 64-й Папа римский, «Двоеслов». Читается Церковью, как ее учитель. В 590 г. он внес коррективы в список семи смертных грехов

3

Палочки Люцифера – так в 19 веке часто называли обычные спички. Считается, что первые химические спички сделал в 1805 году французский химик Шансель. Изобретение первых серных спичек приписывают английскому аптекарю Джону Уокеру в 1826 г. (Примеч. автора)

4

Алансонское кружево – вид ценного ручного кружева, получившего свое название от города Алансон в Нормандии (северо-запад современной Франции).

5

«Point de France» – знаменитый «французский стежок», мелкий изысканный узор, вышивка по шелку. В 17 веке министр Людовика 14 Жан Батист Кольбер создал школу французского кружева, которое по красоте превосходило кружева из Венеции и Фландрии (Примеч. автора)

6

Люцифер – одно из имен дьявола в позднем Христианстве.

7

Самаэль – в иудейской демонологии злой дух, демон, часто отождествляемый с Сатаной

8

Лилит – первая жена Адама, змея. Злой дух, обычно женского пола в иудейской демонологии. Изображалась в виде высокой молчаливой женщины с длинными, черными волосами.

9

Асмодей – один из самых могущественных и знатных демонов. Дьявол вожделения, блуда, ревности и одновременно мести, ненависти и разрушения.

10

Фарина, Иоганн Мария (1685–1766) – основатель парфюмерной фабрики в Кёльне, создатель одеколona.

11

Велиал – в Библии демоническое существо, дух небытия, разврата, лжи и разрушения. Слывет самым извращенным обольстителем и лжецом.

12

«Моцарт и Сальери» (1830) А. С. Пушкин.

13

Навь – в источниках по славянской мифологии и фольклору известен термин «навь», означающий мир мертвецов. Мир Нави – это незнакомая нам Явь, так называемый «тонкий мир».

14

Вермильон – ярко-красный, цвета алой киноvari. От французского «vermillon»

15

Пате – род мягкой мебели, табурет с мягким сиденьем.

16

Досканец – ящичек, ларец, табакерка.

17

Брегет – карманные часы большой точности. Название произошло от названия выпускавшей их французской фирмы «Брегет». Они напоминали о времени боем.

18

Шварцвальдики – настенные часы. Шварцвальд – одна из областей Южной Германии. Символом Шварцвальда стали настенные ходики с ярко раскрашенной циферблатной плитой (их любовно называли "шварцвальдики"). Такие часы были надежными и дешевыми, пользовались популярностью в России в середине 19 века. (Примеч. автора)

19

Хронос (др. греч. ??????, «время») – божество в древнегреческой мифологии и теокосмогонии, управляющее временем.

20

Фрыштикать или фриштикать – завтракать; «фриштик» – завтрак. Произошло от немецкого «frühstuck» – завтрак, закуска. «Петербургский русский никогда не употребляет слово: "завтрак", а всегда говорит «фрыштик», особенно напирая на звук «фры» – Достоевский Ф. М.

21

Компрачикосы – это преступные сообщества в Западной Европе занимавшиеся в 13–17 веках похищением и куплей-продажей детей, которых превращали в

физических уродов и затем продавали в качестве шутов, акробатов и т. п. Очень часто именно компрачикосы и производили операции на гениталиях и кастрацию детей. Гаремы и Сикстинская капелла были потребителями одной и той же разновидности увечий: полных кастратов, либо частичных, с повреждениями гениталий. Считается, что в Западной Европе именно от компрачикосов пошло «ремесло» по перекраиванию половых органов на свой, извращенный манер. (Примеч. автора)

22

Тирбушоны – прядь волос, завитая в локон. От французского «tire-bouchon».

23

Большой стиль – (франц. «Grand maniere», Le style Louis Quatorze) – художественный стиль одного из самых ярких периодов в истории Франции, «золотого века» французского искусства второй половины XVII столетия. Связан с годами правления короля Людовика XIV (1643–1715), отсюда название. В этом стиле соединились элементы классицизма и барокко.

24

Капский лев – ныне вымерший подвид гигантского длинногривого льва. Для самцов капских львов была характерна длинная черная грива, распространявшаяся за плечи и, покрывавшая, в том числе и живот.

25

Жирандоль – большой фигурный подсвечник для нескольких свеч. Произошло от Французского "girandole", Итальянского "girandola", что в переводе означает – сноп водных струй, ракет, канделябр.

26

Канapé – предмет мебели, подобный софе и дивану, обитый материей. При его изготовлении используется древесина грецкого ореха, вишни, красного дерева. От французского «canapé».

27

Павана – торжественный медленный танец, распространённый в Европе в 16–17 вв., музыка к этому танцу.

28

«Belle, qui tiens ma vie» (франц.) – Belle, кто хочет моей жизни. Известная павана.

29

Эгрета – это торчащее вверх перо или какое-либо другое украшение, прикрепляемое к женскому головному убору или причёске.

30

Мурин – так часто в 18–19 веке в России называли негров, арапов, чернокожих.
(Примеч. автора)

31

Ахалтеки?нец – верховая порода лошадей, выведенная на территории современной Туркмении, предположительно около 5000 лет назад. Это древнейшая из культурных пород, оказавшая влияние на многие породы – арабскую, верховую или английскую скаковую. Относится, наряду с чистокровной верховой и арабской, к числу эталонных верховых лошадей.

32

Киноварь – минерал, сульфид ртути. Самый распространенный ртутный минерал. Имеет алую окраску, на свежем сколе напоминает пятна крови. Греческое название киновари, употребляемое ещё Теофрастом, по одной из версий происходит от др. – перс. *zinjifrah*, вероятно, означавшем «драконья кровь». Киноварью также называют неорганический пигмент, в прошлом получаемый из данного минерала, и соответствующий оттенок красного цвета.

33

Менада (безумствующая) – в древнегреческой мифологии спутница и почитательница Диониса

34

Юдзё – собирательное название проституток и куртизанок (но не гейш), существовавших на протяжении всей японской истории

35

Таю – высший ранг дорогих японских проституток

36

Сэнто – японская общественная баня

37

Мои любимые, послушные мальчики, я иду к вам (немец.)

38

Гальярда (gagliarda, итал. веселая, смелая, бодрая) – веселый, оживленный старинный танец романского происхождения конца 15–17 веков.

39

Фарандола – провансальский народный танец в быстром темпе, известный с 15 века. Танцующие держат друг друга за руки, образуя цепочку и, следуя за

ведущим, движутся по залу, исполняя самые разнообразные движения.

Купить: https://telnovel.me/lanitova_lana/carstvo-prelyubodeev

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)